

Клаудия Касанова

ДАМА И ЛЕВ

Касанова Клаудия

Дама и лев

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Клаудия К.

Дама и лев / К. Клаудия — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,

ISBN 978-5-91051-058-0

«...Казалось, что орнамент внутри круга, похожий на свернувшуюся змею, непрерывно вращается. Каждая извилина была ровно такой ширины, чтобы взрослый человек мог пройти по ней. Аэлис заглянула себе в душу: возможно, в искуплении она и не нуждалась, но чувствовала себя паломницей, как все те, кто приходит сюда, чтобы очиститься от зла, примириться с Высшим Существом, а значит, и с самим собой. Потом посмотрела себе под ноги и отыскала начало круга: дойти до конца, чтобы найти выход из своего лабиринта...»

ISBN 978-5-91051-058-0

© Клаудия К.
© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	28
Глава четвертая	38
Глава пятая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Касанова Клаудия

Дама и лев

Посвящается Х.Е.Р. и моим родителям

Глава первая

Ванблан тряхнул гривой и заржал, и Аэлис ласково потрепала его по шее, успокаивая. Не хватало только вспугнуть кабана или дать заметить себя охотникам, которые как раз скакали через ручей к поляне, у которой она пряталась. Аэлис заёрзала в неудобном седле. Езда боком раздражала её невероятно: правое колено, согнутое как раз над шеей коня, сковывало движения. Конь, как будто назло, опять занервничал, застучал копытами, ладно хоть молча на этот раз. Возглавлял погоню сеньор владений Сент-Нуар, отец Аэлис, вслед за ним, слегка приотстав, чтобы подчеркнуть своё подчинённое положение, скакала его юная супруга. Сжимая вожжи так, что побелели костяшки пальцев, Аэлис затаилась. Два рыцаря, отчаянно прищипывая коней, с ног до головы забрызганные грязью, спешили вслед за соколами, недавно специально привезёнными с севера для господина. Первый всадник, несмотря на летнюю жару, был закутан в чёрный бархатный плащ, шитый серебром по подолу. Вышитые на нём загадочные знаки на сарацинском наречии не смог разобрать за все годы, что служил в Сент-Нуар, даже священник, наставник Аэлис. Все рыцари гарнизона и вся прислуга замка Сент-Нуар до последнего мальчишки шептались о том, как отличился некогда рыцарь Озэр на войне с неверными, да только никто точно не знал, под чьими знамёнами он сражался и было ли это в Святой Земле или в битвах с маврами юга, а спросить его никто не решался.

Озэр – командир наёмников Сент-Нуара, осадил коня на краю поляны, как раз напротив того места, где за деревьями пряталась Аэлис. Девушка инстинктивно наклонилась и затаила дыхание. Между ними было от силы шесть пье¹. «Бог свидетель, добыча будет моей, – услышала она, как бормочет всадник себе под нос. – Так или иначе».

На лице у Озэра, наполовину закрытом назелем шлема, медленно проступила довольная улыбка, и на мгновение Аэлис показалось, что он её заметил. Но всадник резко развернул коня и поскакал в лес прочь от неё. Скакавший следом за ним, отставая примерно на три головы, его правая рука и друг, Луи л'Аршёвек, уже обнажил кинжал и осторожно протирал его длинным рукавом своего охотничьего костюма. Кинжал был трофейным: Луи выиграл его в кости, чем очень гордился. Это был клинок толедской стали, наточенный умелыми руками кастильских мастеров и проливший немало крови.

Аэлис на мгновение зажмурилась, глубоко вдохнула и медленно и осторожно направила коня через поляну. Как можно ближе к кабану. Зверь был внушительных размеров, чуть меньше коровы, могучий, хоть и коротконогий. Мордой он зарылся в растерзанную, ещё дымящуюся тушу оленя, чьи кишки валялись на истоптанной траве. Видно, голодные крестьяне, подумала Аэлис, завалившие оленя, бросились наутёк, заслышав сигнал охотничьего рога. Непристойные звуки кровавой трапезы вызвали отвращение и в то же время притягивали; Аэлис не позволила себе отвести глаза. В конце концов, это и была жизнь, кипевшая за стенами родового замка, прорыв реальности в унылый, однообразный и бессмысленный сон, в который превратилось её существование. Она глядела на жуткую сцену, как замороженная, когда вдруг услышала, как за спиной у неё хрустнула ветка. Кабан тоже поднял голову, прислушиваясь, и его беспросветно-чёрные маленькие глазки уставились на Аэлис и её коня. Он рыкнул и чуть было не ринулся туда, откуда донёсся подозрительный звук, когда, просвистев в воздухе, стрела впилась ему между глаз. С жутким визгом, ослеплённый собственной кровью, кабан завалился на бок, дёрнулся и замер, полуоткрыв пасть с парой грязных клыков.

Выговор прозвучал любезно, с лёгким налётом снисходительности:

– Госпожа моя, будьте добры хотя бы в следующий раз посторониться. Окажись вы на пядь левее, я упустил бы добычу.

¹ Пье – старинная французская мера длины, равная 32,48 см (Здесь и далее примечания переводчика).

Озэр убрал лук в налучье, подтянул рукавицы и, когда поднял взгляд, в зрачках его Аэлис увидела, кроме обычного уважения, какой-то блеск, по поводу которого так и не решила, радоваться ему или бояться.

– Вы правы, так недалеко и до беды. Постараюсь в следующий раз вести себя осмотрительнее, – ответила она спокойно. Её конь, встревоженный видом двух мёртвых животных, тряхнул головой и заржал. – Едем отсюда, а то у бедняги Ванблана нынче ночью будут кошмары.

– Не стоило брать его на охоту, госпожа, – ответил Озэр, спешиваясь и осматривая коня. – Этот аристократ не приучен форсировать реки, скакать через грязные рвы и гоняться за кабанами, – удерживая поводья, рыцарь поднял взгляд и добавил с безразличным лицом: – Его дело стоять в стойле и выходить только затем, чтобы им полюбовались.

– От такой жизни, капитан Озэр, Ванблан зачах бы со скуки, – ответила Аэлис, вскакивая в седло и пуская коня в галоп; ей хотелось скорее догнать охотников, отца и оказаться подальше от окровавленных звериных туш и от тонких насмешек капитана.

Озэр провожал Аэлис взглядом, пока силуэт её не растаял за рекой. Тогда он снова оглянулся на следы лесной бойни: кабан и олень валялись в луже крови. Потом рыцарь вскочил на коня, и на его свист с кинжалом наголо примчался Луи Л'Аршёвек с другого конца поляны, откуда до этого, спрятавшись в зарослях, наблюдал всю сцену. Расхохотавшись, он воскликнул:

– Вот это хладнокровие, топ тагйшаль, клянусь святым Иеремией и его реликвиями! Девчонка, скажу я тебе, выкована из той же стали, что наши мечи. Не то чтобы вскрикнуть или заплакать – глазом не моргнула. Да уж, что называется, дочь своего отца, *compaign*.

Вместо ответа Озэр прищепил коня, крикнув:

– А ну наперегонки до каменного креста Святого Романа! Смотри, не отставай, а то я велю не давать тебе сегодня вечером мяса, Архиепископ², дабы ты постился, как подобает истинному воину Божью!

Луи смиренно вздохнул, стряхнул пыль с роскошной зелёной бархатной перевязи и длинных рукавов и прищёлкнул языком, ведь он давно привык к внезапным вспышкам своего старого товарища по оружию. Похлопав коня по шее и, громким криком пустив его в галоп, рыцарь помчался догонять друга.

Слуги, следовавшие за охотниками, вышли на поляну, чтобы подобрать дичь и отнести её в замок. Охая, сбросили они с затёкших спин мешки с ножами для свежевания и разделки туш и, как пчёлы, облепили оленя и кабана, чтобы собрать кровь, пока она не свернулась. Повар Сент-Нуара испечёт вкусные пироги с мясом из этой дичи.

Сокольник погладил сокола и дал ему склевать кусочек сырого мяса. Птица схватила его так жадно, что оцарапала клювом кожаную перчатку, покрывавшую руку наставника до локтя. Тот отошёл, бормоча ласковые слова, на которые сокол, вцепившийся когтями в перчатку, казалось, не реагировал. Отец Аэлис нахмурился:

– Клянусь бородой святого Петра, сам не знаю, зачем мы выписали из такой дали этих птиц. Они только и умеют, что жрать и летать кругами, да и охотников часто путают с дичью. Вот велю как-нибудь приготовить нам соколиного супа, хоть затраты как-то окупятся. Да и дрессировщика бы сварить не мешало.

Аэлис улыбнулась и посмотрела на отца с нежностью. Филипп Сент-Нуарский был уже в летах, но полон жизни и меч свой носил молодцевато. Его отороченный медвежьим мехом плащ так и мелькал, внушая ужас подданным, когда он буквально прыжками носился по замку,

² archevêque – (франц.) архиепископ.

разгневанный ошибкой сенешаля при сборе подати или любым другим непорядком в доме. Аэлис только открыла рот, чтобы ответить отцу, когда вмешалась супруга господина, её мачеха.

– Дорогой Филипп, господин мой..., вы несправедливы. Добрый малый делает всё, что в его силах, если учесть, по каким склонам и зарослям ему приходится продираться. Вы ведь не забыли, что эти птицы, предназначены для охоты в открытом поле, а не на крутых холмах, усыпанных камнями, где кишмя кишат ящерицы, и где не сыщешь и небольшой полянки, над которой сокол мог бы парить. Чудо ещё, что он, бедняжка, вообще может летать, – и она ода-рила мужа ослепительной улыбкой.

Госпожа была молода, постарше Аэлис, но ещё далеко не матрона. Когда мать Аэлис взяла её на службу в замок, чтобы присматривать за малышкой, ей едва исполнилось пятна-дцать, она прятала испуганные глаза, заслоняясь густой и длинной светлой шевелюрой, такой редкой для служанки. И тогда уже можно было позавидовать её статной фигуре, хотя и широ-коватой в бёдрах и в плечах, но рыцарям, служившим в замке это, похоже, очень даже нрави-лось, да и отцу тоже, как не без горечи должна была признать Аэлис. Какое-то время молодая служанка делила постель с Филиппом, и связь его с нею, вместо того, чтобы стать очередной мимолётной победой, крепла, отчего жену господина, мать Аэлис, снедала тоска. Аэлис про-гнала воспоминания о том давно прошедшем, но всё ещё казавшемся ей близким времени, одна мысль о котором рождала в ней ощущение бессилия и злобы. Сейчас Жанна была заму-жем за её отцом и, как некогда мать Аэлис, распоряжалась жизнью замка.

– Вы как всегда правы, госпожа, – ответил Филипп, подходя к жене и целуя её в губы. – Кто, кроме вас, способен постичь нежный птичий нрав...

– Даже такой хищной птички, как сокол?

Жанна оглянулась, гневно сверкнув глазами, на её прекрасном лбу уродливо вздулась вена. Вопрос задала не Аэлис, хотя была бы рада, если бы он сорвался с её губ: это был Луи Л'Аршёвек, только что осадивший на всём скаку коня, поравнявшись с охотниками. Озэр появился рядом с ним, со спокойной улыбкой склонил голову и добавил:

– Простите его, госпожа, если он вас обидел. Он едва слышал последние слова разговора, и тут же, не раздумывая, разинул свой громадный рот. – Рыцарь повернулся к другу и язви-тельно заметил:

– Тебя должны бы звать Луи Деревенщина, а не Луи Архиепископ, судя по тому, как мало в твоих словах здравомыслия, свойственного служителям Церкви, и как много неразумия, которое пристало разве что конюху.

Филипп Сент-Нуарский рассмеялся, но в глубине души был встревожен. Он знал, что рыцарей следует держать в узде, особенно, когда дело касалось его юной супруги, а это стано-вилось всё труднее, ведь их уже был целый десяток, но излишнюю строгость он проявлять тоже не хотел. Гнев лучше приберечь для более серьёзных проступков, чем необдуманные слова. К тому же, Бог ведает, почему, Озэр относился к Филиппу с величайшим почтением, и Филипп понимал, что надёжными людьми не разбрасываются, особенно, в такие нелёгкие времена. И потому он решил положить конец короткой перепалке, пока она не переросла во что-то более серьёзное.

– Удовлетворит ли вас, моя госпожа, если я заставлю этого тупицу... – он на миг замол-чал, и все затаили дыхание, – посвятить вам покаянную песнь? Должен предупредить вас, что поёт он как жаба с северных болот, так что наказание окажется двойным: он будет страдать от того, что станет посмешищем, а мы будем вынуждены его слушать, хоть нам и не в чем себя винить, разве что в том, что были свидетелями его грубости. Образцовое наказание, я бы сказал!

Озэр подмигнул другу, Жанна на миг побледнела, Луи тем временем прятал доволь-ную улыбку: приговор Филиппа оказался неожиданно мягким. Ну а Аэлис потрепала гриву

Ванблана, пряча злорадно блеснувшие глаза. Когда заговорила Жанна, голос её был так же радостно-спокоен, как всегда:

– Возлюбленный мой господин, вы так находчивы! Я горю желанием посетить потрясающий спектакль, который вы столь умело организовали... Но поспешим, иначе, когда мы доберёмся до замка, мясо остынет и зачервивеет, а вино окажется слишком сильно разбавленным. А я не хочу, чтобы вечер, который нам наверняка скрасит л'Аршёвек, был бы испорчен по одной из названных причин, – и она насмешливо кивнула рыцарю, который вежливо склонил голову в ответ.

И, больше не задерживаясь, группа всадников галопом поскакала к воротам замка, уже видневшегося на вершине холма.

С того времени, как он был возведён, ещё до 1000 года, предками Филиппа Сент-Нуарского, замок не раз подвергался перестройкам, поначалу из-за необходимости защищаться от набегов варваров с севера, а позднее, когда, как казалось, установился пусть и непрочный, но мир, для того, чтобы расселить растущую свиту владельца замка. Первоначальная постройка состояла всего лишь из одной квадратной четырёхэтажной башни. Внизу располагались кухня и кладовая, обеденный зал занимал весь второй этаж, а на третьем и на верхнем жил хозяин с семьёй. Однако вскоре понадобилось больше комнат. Число рыцарей, служивших Сент-Нуарам, росло, да и слуг, работающих в доме и на соседних землях, становилось всё больше. Хотя Сент-Нуары не могли сравниться в знатности и богатстве с другими сеньорами, жившими по соседству, они по праву гордились тем, что их предки воевали под знамёнами славного Карла Великого, чем отнюдь не многие могли похвастаться. Шли годы, и позиции клана укреплялись, даже удалось немного скопить на чёрный день, и к немногочисленным слугам, работавшим в замке с самого начала, добавились мастера различных ремёсел, как то: шорник, кузнец, конюх. Надо было поселить где-то и девушек, прислуживавших дамам, няньку, которая растила наследников, а в последнее время и священника, бывшего одновременно аптекарем, который заботился о душах жителей замка и о воспитании отпрысков семейства Сент-Нуар. Вот потому пришлось (и удалось) заняться давно ожидаемым строительством вокруг старой башни, тем более, что непрерывные войны прекратили хоть на время опустошать сундуки с запасами, и хозяин замка, а точнее, его рыцари, смогли заняться охраной посевов и заботой о том, чтобы все положенные подати: за помол зерна, за ковку и за проезд по мосту – исправно выплачивались Филиппу Сент-Нуарскому.

Зодчие, выписанные из далёких южных земель, решили пристроить четыре круглых башни по углам старой, велели выкопать ров вокруг стен и направили туда воды речушки, протекавшей по землям Сент-Нуар. Каждая башня была предназначена для определённого вида работ: в восточной, лучше всего освещённой в дневное время, прорезали узкие длинные окна, навесили деревянные ставни (роскошь и сумасбродство, ворчал старый глава рода) и разместили там ткацкую и портняжную мастерские, устроили классы для чтения, выделили комнаты священнику и няньке.

Аэлис с грустью вспоминала, как когда-то по утрам её укачивало от запахов свежестиранного хлопка и льна, расстеленных для просушки перед тем, как начать пряхсть их на большой прялке, или как она часами стояла у полуоткрытых ставень, поглаживая страницы драгоценной Библии отца Мартена и пытаясь расшифровать витые буквы, в которых прятались птицы, человеческие фигуры и волшебные звери всех цветов, существующих на небе и на земле. Две дочери Жанны спали в этой же башне на самом верхнем, не доступном для врага этаже. Хотя между христианскими рыцарями почти повсеместно сохранялся мир, а воинственный пыл свой они утоляли в боях за Святую Землю, в душах местных жителей всё ещё жил страх перед грабежами и налётами банд мародёров. Нет ничего удивительного, что во время сбора податей сеньоры, чтобы отобрать у соседей то, что те задолжали, прибегали к услугам тех же наёмников, от набегов которых им приходилось прежде защищаться; и даже многие епи-

скопы и святые служители Церкви держали при себе отряды головорезов, чтобы устрашать вассалов, проживающих на их землях. Бывало, что Аэлис часами сидела взаперти в своей башне, а замок сотрясался от шагов и криков разъярённых воинов, то ли пришедших покарать хозяев замка, то ли защищающих их от набега, и так день за днём.

В западной башне, достаивающей благословения последних лучей заходящего солнца, располагалась кузня, а на втором и третьем этажах, теснясь на крохотном свободном пятачке (помещение было буквально забито материалами и инструментами), трудились оружейник и шорник, они мастерили стрелы, выделывали кожи и меха, изготавливали всё, что может пригодиться в бою. Там же жил конюший, два грума и сокольничий. Башня пропахла дымом и потом, от неё постоянно веяло дублёной кожей и свежераспиленной древесиной, то есть всем, что может пригодиться при изготовлении стрел и копий, щитов и шлемов для вооружения сент-нуарского гарнизона. Много раз Аэлис, когда была маленькой, пробовала пробраться в башню незамеченной, но всякий раз какой-нибудь здоровенный детина с измазанным копотью лицом решительно выталкивал её за дверь, не обращая внимания на её вопли и угрозы запытать их всех до смерти. Случалось такое вскоре после того, как мать Аэлис, дама Франсуаза, вынуждена была отбыть в монастырь, отвергнутая мужем за то, что не могла родить ему ещё детей, и прежде всего, столь ценимых отпрысков мужского пола, без которых владение Сент-Нуар могло бы оказаться в конце концов в руках каких-нибудь дальних родственников. На счастье или на беду долговязая служанка, помогавшая даме Франсуазе ухаживать за единственной дочерью, та самая Жанна, над которой поначалу смеялась даже кухарка, забеременела от господина и он позаботился о том, чтобы беременность завершилась благополучно, а именно, рождением двух очаровательных девочек-близняшек, крепеньких, как их мать-крестьянка и угрюмых, как отец. Тогда-то, хотя дети и не оказались столь желанными мальчиками, даме Франсуазе пришлось покинуть замок. Тем вечером Аэлис хотела уехать с матерью, но её няня, Николь, схватила её и держала несколько часов в объятиях, вытирая ей слёзы. На следующий день Филипп Сент-Нуарский велел переселить Аэлис в северную башню, туда, где жили все взрослые женщины, включая саму Жанну, и их компаньонки, чтобы нянька могла заниматься новорожденными. Кто ж виноват в том, что они не дожили и до пяти лет! Лихорадка унесла одну и не замедлила через пару недель прихватить и другую. Филипп Сент-Нуарский не распорядился вернуть Франсуазу и не прогнал Жанну. Воспоминание о разводе с первой женой было ему тягостно, но ведь, в конце концов, Жанна, родив один раз, вполне могла и ещё забеременеть.

В южной башне, как обнаружила ещё в детстве Аэлис, отец приказал разместить рыцарей, которые служили ему. Они представляли собой разношерстную группу: тут был и семнадцатилетний не нюхавший битвы юнец Иммануил и сорокадвухлетний пожилой ветеран Иоахим. Некоторые из них, местные уроженцы, едва наскребли денег на коня и седло и явились предлагать свои услуги к воротам замка. Они надеялись, что сеньор Сент-Нуарский возьмёт их под своё крыло, посвятит в рыцари, а это обходилось отнюдь недёшево, ведь для того, чтобы испытать судьбу на поле брани, нужны были два коня, двое оруженосцев, несколько сёдел, латы, несколько копий и мечей и, наконец, достаточно золота, чтобы ездить с турнира на турнир, пока не началась мало-мальски серьёзная война. Другие, те, кто мечтал не столько о подвигах, сколько о том, чтобы набить мошну, посвящали свою жизнь и своё оружие сражениям под знаменем сеньора, который платил им неплохое жалованье, хотя были и такие, кто довольствовался крышей над головой, да пропитанием. Наёмники, как их презрительно называли, и были причиной того, что Филипп Сент-Нуарский держал всё своё войско в одной башне. Выходить дозволялось лишь дежурной страже и дозорным. От юнцов, с детства чтивших штандарт Сент-Нуара, не стоило ждать ничего дурного, разве что ссор из-за какой-нибудь бедной, но благородной девицы, нуждавшейся в приданом и в муже, или беременности служанки, которую тут же выдавали замуж за кого-нибудь из крестьян-вассалов. Однако, увидев, как первый

отряд профессиональных бойцов въезжает во двор верхом на гордых испанских жеребцах, уверенно утвердив ладонь на рукояти меча, в сопровождении оруженосцев, нагруженных копьями и булавами, Филипп Сент-Нуарский понял, что не стоит позволять им свободно разгуливать по замку и что надо как можно скорее найти им какое-нибудь занятие. Жестокая ирония заключалась в том, что мир, который обеспечивали наёмники своим присутствием, подталкивал их же к преступлениям, а то и к заговору.

Так что сеньор не задумываясь превратил южную башню в место самых лихих увеселений. Оттуда то и дело доносился смех, музыка жонглёров и песни трубадуров, которые неделями гостили здесь, развлекая воинов Сент-Нуара. Особое возмущение вызывало это у женщин, особенно у дам, проживавших в Сент-Нуаре, дальних родственниц господина, тех, что целыми днями ткали нежнейшие покрывала. Они сочли своим долгом обратиться к отцу Мартену и просить его, чтобы он напомнил сеньору Сент-Нуарскому о недавнем послании Папы Римского, в котором тот запрещал внебрачное сожитие и вообще любые интимные отношения между мужчиной и женщиной, кроме тех, что скреплены священными узами брака. Однако вскоре им пришлось отступить, потому как сама Жанна, супруга сеньора Сент-Нуарского, велела прекратить споры на эту тему, поддержав решение мужа. Без сомнения, как думали про себя многие, хотя и не решались говорить вслух, она так поступила потому, что сама недавно была одной из тех весёлых женщин, которые делили досуг с наёмниками.

Теперь, ценою долгих лет лишений и тяжкого труда мастеров-строителей, ценою усилий и пота крестьян Сент-Нуара, замок вырос и оказался центром скромной группы деревянных строений, глинобитных хижин, крытых соломой, хлипких палаток и мастерских ремесленников, с дырами в крышах вместо дымовых труб и немногочисленных более основательных деревянных построек, как, например, таверна, или даже каменных.

Заметив, что до ворот родного замка уже недалеко, Филипп Сент-Нуарский приосанился в седле, чтобы подданные видели во владельце земли, по которой ступают, воплощение благородства и достоинства, и взял за руку Жанну, воздавая ей эту честь, дабы пресечь пересуды, вечно преследовавшие его супругу. Он никогда не достаивал взглядом принадлежавших ему крепостных Сент-Нуарских земель, но знал, что люди, замиравшие при его приближении, не сводят с него глаз. Нахмурившись, он пришпорил коня.

Охотники поднялись на холм, на котором стоял замок, и вскоре оказались у его ворот, с оглушительным скрежетом открывшихся перед ними по сигналу часовых. Во дворе, помимо знакомых торговцев, снабжавших кладовые замка, оказалось двое всадников, одетых в цвета сеньоров Суйерских: две скрещённые серебряные пики на багровом фоне. Они, должно быть, ждали недолго: один из них ещё не спешил, а второй уже вёл коня к стойлу. Оба замерли, увидев сеньора, и тот, что был на коне, обратился к Сент-Нуару:

– Господин мой, я рыцарь Раймон, а имя моего спутника – Ги. Мы прибыли из земель Суйерских со срочным сообщением от нашего сеньора. Надеемся на ваше благосклонное внимание.

– Отложим дела, – ответил Сент-Нуар. – Вы, должно быть, провели в пути целый день, а то и больше, представляю, как вы устали. Отдохните, прикажите принести воды, освежитесь, встретимся вновь после того, как колокол возвестит час последней дневной трапезы. Тогда, без сомнения, мы сможем вас выслушать. Поскольку всадники в замешательстве переглянулись, Сент-Нуар добавил: – Идёмте, господа! Вечером у нас будет время поговорить.

Всадники поклонились и повели коней в стойло. Тем временем Сент-Нуар незаметно подал знак Озеру, чтобы тот подъехал.

– Проследи за ними, а то как бы гости не выкинули чего-нибудь неожиданного. Не к добру эти вести от старика Суйера: уж не натворил ли глупостей его несчастный отпрыск.

– Можете на меня положиться, сеньор.

Озёр развернул коня и поскакал рысью в сторону конюшен.

Аэлис поправляла причёску, а Николь, её старая нянька, иногда, как этим вечером, исполнявшая обязанности компаньонки, застёгивала один за другим крючки на её новом платье из мягкого зелёного муслина. Неподалёку от Сент-Нуара пролегали пути, которыми шли торговые караваны с Востока, и иногда, когда урожай и собранная подать позволяли, Филипп позволял себе роскошь приобрести дорогие товары, такие, как, например, эта материя, ласкавшая в этот момент кожу Аэлис. Рукава блио с прорезями на уровне локтя спускались до пола и сковывали движения, но внимательная и требовательная Николь была довольна производимым впечатлением:

– Вы такая нарядная, моя госпожа. Она ещё покружила около Аэлис, поправляя ей волосы, покрытые простой белой косынкой, и тонкую серебряную цепочку, охватывающую её талию, конец которой свисал почти до пола. – Сегодня ваш отец будет гордиться своей маленькой принцессой, а рыцари поумирают от любви к вам.

– Николь, ты неисправима, – Аэлис пыталась спрятать улыбку. – Ты будто забыла, что я помолвлена. К счастью, первенец сеньора Суйерского обручился со мною ещё четыре года назад, – проговорила она, припоминая те дни. – Он приехал сюда с отцом, старым Суйером, и свитой из двадцати рыцарей. Из двадцати рыцарей, Николь! Мне даже на минуту показалось, что один он не решился бы просить моей руки. Жиль такой нежный, даже робкий немного...

Она замолчала, видя, что Николь поджала губы. Жестом она позволила няньке излить в очередной раз поток обычных упрёков в адрес её суженого.

– Госпожа, вы ведь знаете, что я думаю об этом юноше. Уж извините, но не должен он был уезжать в этот проклятый крестовый поход, чтобы вы тут чахли в одиночестве. – Николь кипела от возмущения, продолжая одевать свою госпожу. – Четыре года! Да за это время дом можно было бы построить, в котором вы бы жили после свадьбы, а сеньор Суйерский даже не соизволил очистить от валежника то болото, которое ему взбрело в голову подарить вам. Я ничего не имею против славных рыцарей, которые отправляются воевать с сарацинами, Боже упаси. Наоборот! Но юноше, едва посвящённому в рыцари, не умеющему отличить лицо от изнанки, нечего делать среди настоящих мужчин. Сесть на корабль в этом венецианском порту, где полным-полно дурных женщин, когда его тут такая красавица дожидается!

– Ну хватит, Николь, – спокойным голосом произнесла Аэлис, давая понять, что мнения своего она не изменит. – Я тороплюсь. Заканчивай наконец. Не хочу опозданием дать повод Жанне упрекнуть меня при всех. То-то радость бы ей была.

Она поправила кольцо из сцепленных золотых колец, украшавшее её шею, и минуту задумчиво смотрела на деревянный медальон, висевший у неё на груди.

Зал был щедро освещён, горели, потрескивая, все факелы вдоль боковых стен. От жара факелов раскраснелись лица, деревянные ставни были закрыты и не выпускали из помещения тепло. Большой стол в форме подковы, стоявший в глубине, был накрыт белыми нитяными скатертями, во главе его сидел сеньор Сент-Нуарский и его супруга Жанна. За их спинами висел огромный гобелен, работа многих поколений ткачих, на котором изображены были сцены из жизни владельцев замка с давних времён и до нынешних дней: на последнем фрагменте нынешние сеньор и сеньора торжественно вступали на поляну, поросшую ярко-зелёной травой, где их ожидали многочисленные вассалы, чтобы приветствовать и воздать им почести. В противоположном конце зала пылал огромный камин, перед которым на полу лежала сухая солома, покрытая пышными мехами. Тут вскоре должны были появиться певцы, сказители и жонглёры, дабы развлечь господ рассказами о невиданных краях и фантастических тварях, героических битвах и воинах, чистых сердцем.

В тот момент, когда вошла Аэлис, рыцари, удостоенные чести разделить трапезу с семьёй хозяина замка, ждали знака, чтобы начать разливать вино, а между тем громко разговаривали между собой и оглушительно хохотали. Озэр и Л'Аршёвек сидели по правую руку от её отца,

чуть дальше капеллан Мартен стоя раздавал ломти хлеба, на которые предстояло класть еду. По другую руку от Филиппа сидели оба посланца сеньора Суйерского; их легко было узнать, потому что это были единственные незнакомцы за столом, кроме того они были одеты в пурпур, тогда как в зале преобладал зелёный цвет.

– Ну вот, наконец! Моя дочь удостоила нас своим присутствием, – воскликнул довольный Филипп, хотя ирония и сквозила в его словах. – Не зря мы тебя ждали, Аэлис. Не будешь ли ты любезна спеть нам?

– Как всегда, отец, сердце моё тонет в волнах вашей нежности. Но нынче вечером мне не до песен, – ответила Аэлис с вежливой улыбкой, направляясь к своему обычному месту между отцом и Озэром. Он встал и подвинулся, чтобы она могла сесть, а она кивнула в знак благодарности.

– И как всегда, дочь, твои неисчислимые добродетели заставляют забыть о твоём несносном характере. К тому же – продолжал Сент-Нуар, – сегодня не только мы, твои родные, жаждем видеть тебя: тут и посланцы от твоей будущей семьи. Похоже, есть новости о Жиле. Ну, господа, – при этих словах он дал знак виночерпию наполнить резные деревянные бокалы, и слуги медленно направились к столу, неся огромные подносы с мясом и холодными закусками, – я слушаю вас. Надеюсь, ничего дурного не случилось с нашим столь любимым юношей?

Аэлис глянула украдкой на посланцев Суйера, сделав вид, что глубоко заинтересована вкусом сыра. Озэр, сидящий рядом с ней, казалось, был полностью поглощён пережёвыванием цыплячьей ноги в сметанном соусе с толчёным миндалём. Однако его кинжал, будто немое предупреждение, лежал перед ним на столе на видном месте.

Рыцарь, назвавшийся Раймоном, откашлялся, глотнул вина и ответил:

– Смотря, что считать дурным, сеньор. Наш господин велел передать вам следующее: как известно, уже четыре зимы минуло с того дня, как Жиль Суйерский обручился с вашей дочерью Аэлис с тем, чтобы впоследствии сочетаться с нею священными узами брака, как предписывает наша Святая Матерь Церковь. Однако прежде, чем это произошло, молодой Суйер внял призыву крестоносцев и, сознавая, какой непомерный груз грехов несём мы на себе в этом мире ещё со времён падения нашей нечестивой прародительницы Евы, решил отправиться в царство Иерусалимское чтобы отвоевать Святые Земли, до сих пор пребывающие в руках неверных. Это было обдуманное, хоть и непростое для понимания решение, и...

– Друг мой, – Филипп вытер губы краем скатерти и обмакнул испачканные жиром пальцы в стоявший перед ним на столе сосуд с водой, – хотя мы благодарны вам за это вступление, необходимое тем, кто не хранит памяти о произошедших событиях, должен сказать вам, что мои воспоминания о них весьма свежи и живы, так что можете говорить без обиняков. Скажите прямо, что у вас за новости.

Хорошо. – Рыцарь откашлялся и, глядя в свой бокал, произнёс: – Похоже, пришли печальные вести о нашем молодом господине Жиле. Во время стычки с бандой неверных по пути в Дамаск он был сражён коварным и трусливым врагом. Он погиб, и у нас есть тому неопровержимое доказательство: его безымянный палец с кольцом и печатью дома Суйеров, который один из этих грязных псов пытался похитить, но был отбит храбрыми рыцарями, сопровождавшими молодого господина. Итак, он мёртв, и эту новость мы с грустью вынуждены сообщить вам.

Гробовое молчание воцарилось в зале, Аэлис почувствовала, что на неё устремлены все взгляды: кто-то смотрел выжидательно, кто-то с состраданием, а один из всех, без сомнения, Жанна, злорадно. Смерть жениха перечеркнула договор о родственном союзе между Сент-Нуаром и Суйером, так что предстояло вести переговоры о его перезаключении, если главы семейств ещё были в этом заинтересованы. Да, новость о гибели Жили была действительно дурной, и не только для юноши, пролившего кровь в песках Иерусалима, но и для тех, кто, подобно Аэлис, пережил его, и чья судьба стала разменной монетой в борьбе за наследство.

Она почувствовала, что заливается краской, и глотнула из бокала, общего с Озэром. Тот замер, видимо, ожидая реакции отца Аэлис. Сент-Нуар молчал, погружённый в раздумья, казалось, целую вечность, но наконец медленно заговорил:

– Рыцарь Раймон, это худшая новость из тех, что я слышал за последние несколько лет. Смерть нашего дорогого Жилия, которого я считал чуть ли не сыном, большой удар для меня. Я уверен, что сердце Аэлис разбито, – он остановил тяжёлый взгляд на дочери, которая сидела, опустив голову. Помолчав, Филипп произнёс твёрдым голосом: – Тем не менее, как глава семейства Сент-Нуар, я должен задуматься о будущем, встать выше страданий своей дочери и вашего господина и спросить себя, пусть со слезами на глазах, что станет с нашими домами, с нашими судьбами, с теми узами, которые мы считали нерушимыми, и которые были столь коварно разрублены клинком неверного. Будь проклят этот нечестивец – оружие нашего несчастья! И я спрашиваю вас, любезные посланники, – тут речь Филиппа стала мягкой, словно бархат, – не просил ли сеньор Суйерский передать нам ещё что-нибудь, что смягчило бы удар? Он не добавил ни слова? Неужели принесённая вами ужасная новость должна говорить сама за себя и быть единственной? Если мои чувства не лгут мне, сеньор Суйерский гораздо осмотрительнее и мудрее и знает цену своевременным решениям и верности слову в тяжёлые времена. Так что, любезные гости, говорю вам с полнейшей откровенностью, что ожидаю всем сердцем, разбитым, но открытым для вас, второй части вашего послания.

– Господин мой Сент-Нуар, моё уважение к вам безмерно, – рыцарь Раймон не смог скрыть восхищения. – В самом деле, сеньор Суйерский закалён во многих тяжёлых битвах, так что знает цену времени и важность данного слова. Так что не удивительно, что именно в этот горький час он просит присутствия вашего и вашей дочери, чтобы разделить его скорбь у пустой могилы сына, а также затем, чтобы поразмыслить о будущем. Разумеется, он приглашает вместе с вами столько рыцарей, сколько вы сочтёте нужным, лишь бы они смогли разместиться под его скромным кровом. Это его слова, и мы попытались передать их со всей честностью и искренностью.

– Дорогие гости, вам это удалось. Я благодарю вас за то, что вы выполнили наказ своего сеньора, и принимаю его приглашение. Завтра на рассвете мы отправимся в ваш замок, ибо я не хочу терять времени больше, чем необходимо для того, чтобы снарядиться и подготовиться к путешествию. Дочь, как вы и предлагали, поедет со мной, также нас будут сопровождать мои доверенные люди, Озэр и Луи Л'Аршёвек. Как видите, я не склонен медлить с решениями, так что позвольте мне удалиться в свои покои, чтобы поразмыслить о гибели юного Жилия. А вам приятного ужина и располагайте моим гостеприимством.

Тут Сент-Нуар встал из-за стола, за ним последовали некоторые из присутствующих, тогда как остальные предпочли остаться и воздать должное угощению. Озэр и Луи, однако, последовали за своим господином без колебаний, вышла и Аэлис, стараясь не поднимать глаз, в которых любопытные взгляды, казалось, разглядели пару слезинок.

Сидя в огромном деревянном кресле, укрытом мехами и шерстяными одеялами, у камина в своей спальне, господин Сент-Нуара смотрел, как огонь пожирает поленья.

– И вправду жестокий удар, – произнёс он наконец. Никто из присутствующих не попытался ему ответить, да он и не ждал ответа. – Этот юноша и этот брак были залогом моей мирной старости, будь оно всё проклято! Столько лет отбиваться от банд грабителей, которые шастают по округе, так часто просить помощи у Суйера, что это уже становилось унижительным, и вот наконец когда, казалось бы, заключён такой надёжный союз... Проклятье! Мне всегда казалось, что у Жилия есть голова на плечах, и он сумеет сохранить её. Выходит, я ошибался.

Аэлис, очнувшись от апатии, подняла голову. Сцепив руки на коленях она, глядя на отца всё ещё остекленевшим взором, произнесла:

– Отец, прошу вас позволить мне уйти. Завтра нас ожидает долгий путь, я должна собраться. Здесь мне оставаться ни к чему, – добавила она.

– Ты ошибаешься. Именно тебе важнее всего оставаться здесь. И ты прекрасно знаешь, почему. Ты, конечно, не сын, которого я так ожидал от твоей матери, но что-то мне подсказывает, что ты – моей крови и не совсем глупа. Так что сиди здесь, пока я не отпущу тебя.

Он заметил, что губы дочери едва заметно дрожат, и сказал более мягким тоном:

– В конце концов, речь идёт о твоём будущем, дочь.

Аэлис ответила не сразу, она устало опустила глаза и наконец произнесла:

– Моё будущее, отец, в ваших руках. Надеюсь, вы будете столь добры, что сообщите мне о ваших решениях и пожеланиях, но умоляю, позвольте мне удалиться. Завтра я впервые отправлюсь в Суйер, и слишком тяжёлые чувства теснят мне грудь. Прошу вас, отпустите меня.

Сент-Нуар задумчиво поглядел на неё и в конце концов махнул рукой, уступая её просьбе. Он смотрел, как дочь встала и, молча поклонившись всем присутствующим, вышла в коридор. Похоже было, что девушка потрясена больше, чем следовало ожидать от невесты, которая четыре года не видела своего жениха. Сент-Нуар тяжело вздохнул. Меньше всего ему сейчас нужна была дочь, безутешно скорбящая о погибшем за морями возлюбленном.

У Озера и л'Аршёвека, стоявших перед господином в ожидании распоряжений, ни один мускул на лицах не дрогнул. Жанна сидела у окна, изо всех сил стараясь сосредоточиться на рукоделии, а отец Мартен непрерывно бормотал молитву за упокой души юного крестonosца. Глава семейства откашлялся.

– Ну ладно. Завтра у нас будет много дел, и я не хочу, чтобы вы клевали носом. Но сейчас мне надо узнать ваше мнение. Старый Суйер тот ещё лис, но ясно, что теперь, когда союз наш распался, можно рассчитывать на два варианта: либо помолвка с другим юношей из той же семьи, либо – конец дружбе. Как он, по-вашему, поступит?

Сент-Нуар посмотрел в глаза Озеру, единственному, чьи слова ему важно было услышать. Тот ответил без колебаний:

– Он возобновит договор. Суйер, как вы и сказали, стар. Ему тоже не захочется вернуться во времена грабежей и неуверенности в завтрашнем дне, каких бы выгод ему ни сулил набег на монастырь или похищение зерна с нашей мельницы. Ему уже не до драк. Но я не могу с уверенностью сказать, что именно он предложит. Жиль его единственный сын. Было ещё двое, но один умер во младенчестве, а другой удалился в лоно Церкви. У него нет больше прямых наследников, и я сомневаюсь, что он предложит нам кого-нибудь из более дальних родственников. Он знает цену крови, – Озэр смолк так же внезапно, как и заговорил.

– Спасибо, мой добрый Озэр. От всего сердца рад, что вы рядом со мной. Вы будто прочитали мои мысли, я полностью с вами согласен. – Сент-Нуар встал, заключил Озера в дружеские объятия, потом обратился ко всем: – Спокойной ночи. Отец Мартен, продолжайте молиться за душу бедного мальчика и не забудьте помянуть Сент-Нуар в ваших молитвах. А сейчас мы с супругой разрешаем всем вам удалиться. Идём, Жанна.

Взяв жену за руку, Филипп привлёк её к себе и поцеловал в губы, наслаждаясь свежестью её дыхания и юной улыбкой. Слуги быстро и умело загасили огонь в камине и оставили несколько свечей, при свете которых господа, всё ещё обнявшись, направились к кровати с соломенным матрасом, обшитым шерстью и мехами.

– А ты, дорогая, что думаешь обо всём об этом? – Филипп был по-настоящему влюблён в свою жену.

– Филипп, ты прекрасно знаешь, что мне об этом нечего сказать. Это дело сеньора Сент-Нуарского, – Жанна вздохнула, как будто ей было тяжело продолжать. – Хотя ты прав: надо добиться мира на нашей земле, и союз Суйеров с Сент-Нуарами мог бы стать первым шагом на этом пути. Жиль был славным мальчиком, но без сомнения найдутся другие кандидаты,

так что можно будет сохранить договорённости. Может быть, какой-нибудь кузен. И Аэлис в конце концов станет хозяйкой замка Суйер. Не волнуйся, любимый. Давай я обниму тебя.

– Ты моё утешение, Жанна. Белые мягкие руки жены обвили его шею, и он склонил голову на её жаркое и нежное лоно.

– Любовь моя, я скажу тебе нечто, что разгладит морщины печали на твоём лице.

Муж, заинтригованный, поднял глаза.

– Няня говорит, что срок ещё очень мал, но предпочитаю, чтобы ты ни дня не оставался в неведении. У меня будет ещё один ребёнок, Филипп. Ещё один Сент-Нуар, твой отпрыск. Молю Бога, чтобы он дал нам мальчика, как ты хочешь.

Сент-Нуар вскочил, ликование переполняло его; он вмиг забыл обо всех несчастьях, о Суйере и его интригах. Ребёнок! Мальчик, продолжатель рода; хотя дочь, Аэлис, жила и здравствовала, он не был уверен, что род Сент-Нуаров не прервётся.

Жанна ласково погладила лоб мужа. Сын. И не один, если понадобится. Всё, что угодно, лишь бы наконец превратиться в единственную и неоспоримую хозяйку Сент-Нуара. Оставалось только молиться, чтобы настал день, когда заносчивая девчонка отправится в постель к любому, кто захочет её, будь это хоть сам Дьявол.

Глава вторая

Смерть Жилия не пробудила в ней никаких чувств. По правде говоря, она и в лицо его плохо помнила. Глаза у него были, кажется, миндалевидные, а перед отъездом он отрастил бородку, вероятно, чтобы слишком нежное лицо его выглядело посолиднее. Он был, без сомнения, блондин, ведь в деревянном позолоченном медальоне, первом и единственном подарке, который она получила от Жилия, хранилась одна светлая прядь. Дар оказался и последним. Думая об этом, она тоже ничего не чувствовала, однако делала то единственное, что могла делать: плакала о нём, так и не зная, любила ли его когда-нибудь. Всю ночь, с того мгновения, когда погас последний факел в замке, и до первого луча утренней зари и первого петушиного крика на птичьем дворе, она оплакивала его, орошая слезами подушку, кусая кулаки, впинаясь ногтями в нежную плоть предплечья, чтобы не закричать, чтобы не разбудить никого, она оплакивала его так, будто он был её супругом, а она – его вдовой. Хотя бы этим могла она воздать ему и его памяти за краткие дни, когда они вместе мечтали о будущем, не зная ещё, до чего оно шатко. А потом Жиль отправился воевать. Красный матерчатый крест был нашит на плече его походного плаща, он клялся искупить все грехи прежде, чем взойдет с нею на супружеское ложе.

Когда няня рано утром пришла собирать её в первое путешествие в замок Суйер – первую длительную и дальнюю отлучку из родного дома – Аэлис была уже умыта и одета: волосы заплетены в длинную косу, туника из толстой шерстяной ткани облегла фигуру, плащ покрывал плечи, ботинки были тщательно зашнурованы, в кожаную дорожную сумку уложено всё необходимое. Они обнялись. По глазам крепкой коренастой крестьянки было видно, что ей многое хочется сказать. Однако она не произнесла ни слова. Молча спустились они к конюшне, где дожидались остальные путники, Л'Аршёвек ещё клевал носом, зевал во весь рот и после каждого зевка откусывал громадный кусок хлеба, её отец и Озэр хмурились и тихо переговаривались. Оба поклонились, увидев её, а Луи помахал ей горбушкой и что-то промышчал набитым ртом. Николь прищёлкнула языком в знак недовольства дурными манерами рыцаря и оставила Аэлис на попечение оруженосцев и стремянных, которые уже вели дорожную клячу-першерона для неё и destrier, боевых коней в доспехах, для мужчин. Ванблан, на котором обычно ездила Аэлис, отличный скакун южных кровей, на этот раз оставался на конюшне. Путь до Суйера был не дальний, но трудный, приходилось ехать оврагами, через поля и заросли, по разбитым древнеримским дорогам, по узким лесным тропам, перебираться через тихие прозрачные ручейки, прячущиеся в траве и незаметные, как вены задремавшего чудовища, так что кони, неожиданно попадая в них копытом, могли поскользнуться. Аэлис, вообщето, была уверена, что Ванблан и тут бы не оплошал, но не хотела подвергать его ненужному испытанию, хотя и знала, что ей будет не доставать его компании. Пережитое прошлой ночью, осталось позади. Сегодня будущее виделось ей простым и кратким: предстоял день пути, и все волнения были связаны только с предстоящим путешествием.

Когда они подъехали к воротам замка, крестьяне, тащившие на базар, который каждую среду организовывался во дворе замка, тяжёлые мешки, полные зерна, сыров и хлеба, замерли в восхищении перед величием господ, на благо которых трудились. Аэлис покраснела, сама не зная, почему, при виде чумазых физиономий с горящими любопытными глазами, при виде тел, прикрытых рубищами и грубо обработанными шкурами, небрежно подпоясанными верёвками, при виде грязных ног, плетущихся по дороге, не достойной того, чтобы на неё ступали копыта Ванблана. Кавалькада приблизилась к дощатому мосту через реку, стоявшему на каменных опорах. Стражник, огромный детина, задумчиво грыз яблоко. Увидев путников, он встрепенулся, вскочил, схватившись разом за кожаную суму, болтавшуюся у него на поясе, и за дубинку, лежавшую рядом, и уже открыл рот, чтобы затребовать пошлину за проезд по мосту

с четверых всадников, но заметив герб Сент-Нуара, замер в глубоком поклоне. Филипп достал несколько провансальских денег из кошелька и кинул их стражнику. За холмами, поросшими частым лесом, в одном дне пути по старой римской дороге, известной теперь под именем пути Святого Иакова, лежала цель их поездки. Уже довольно давно слышен был только ритмичный стук копыт об изъеденные временем, покрытые глиной и поросшие травой плиты. Озэр скакал впереди, обнажив меч. Отец Аэлис ехал вторым, сама она – следом за ним, а Луи замыкал колонну.

– Ну и каков ваш приговор, сеньора?

– Не понимаю вас, Аршёвек, – Аэлис очнулась от задумчивости, едва ли не благодарная рыцарю за то, что он отвлёл её от мыслей.

– Мы миновали большую часть земель вашего отца и нашего покровителя и приближаемся к тем местам, которых вы, если не ошибаюсь, ещё не видели.

– Так что же?

– Вот и я спрашиваю: так что же? Разве вы не заметили в небе облаков необычной формы или деревьев, которых не встретишь в полях Сент-Нуара, а разве вода здесь журчит не громче? Ведь она ближе к своей конечной цели, к морю. Госпожа моя! Да ведь в этих краях даже монахи одеваются в иные цвета, чем отец Мартен... Хотя, честно сказать, небогатое облачение нашего святого отца приобрело с годами такой неопределённый буроватый оттенок, что ни обитатели Ключни, ни монахи Клерво не смогли бы с точностью определить, к тем он принадлежит или к этим.

– Вы совсем запутали меня своими словесами: они бредут такой тесной толпой и так прочно между собой скованы, что лучший нормандский кузнец был бы не в силах оторвать одно от другого, чтобы докопаться до смысла, – Аэлис одарила рыцаря самым наивным взором. – Разве не все эти славные мужи принадлежат к одной и той же Святой Церкви?

– Ах, госпожа, это в самом деле интересный вопрос. Не знаю, к одной ли Церкви они принадлежат, но, сказать по чести, никакие они не мужи, ведь послушание и молитвы занимают весь их ум и весь их... – Луи Л'Аршёвек оборвал свой монолог на полуслове и стал внимательно изучать спокойное с виду лицо своей собеседницы. Слишком сильно изогнутые, как бы с ироничным вызовом, брови, подтвердили его подозрения. Воистину, самообладанию этой девчушки можно было позавидовать. Не зря она носила имя Сент-Нуар. Он откашлялся и произнёс, не скрывая лукавства:

– Ваш падре, возможно, не понимает сам, какого цвета его облачение, но в том, как воспитывать своих подопечных, он, без сомнения, разбирается, госпожа моя.

– Знаете что, рыцарь мой? Кажется, я начинаю осознавать, в чём разница, о которой вы только что говорили. Есть нечто исключительное в этой местности: здесь все архиепископы каким-то чудом становятся воздержанными на язык.

Рыцарь от души рассмеялся и изобразил намёк на поклон. Озэр обернулся на шум, но тут же снова сосредоточился на дороге. Редко приходилось Аэлис видеть его таким угрюмым. И его, и отца. Ни один из них рта не раскрыл с тех пор, как они покинули пределы Сент-Нуара, оказавшись вне защиты его гарнизона. Повсюду было полно грабителей и разрозненных групп, отколовшихся от армий наёмников, опустошавших этот край в то время, как в недалёком прошлом король Генрих вёл ожесточённую борьбу против могущественных графов и баронов Анжу и Блуа. Теперь же, когда старый король заранее раздал наследство троим алчным сыновьям, ради умиротворения одаривая их землями и титулами, когда брачные союзы объединили бывших врагов, жизнь, казалось, вошла в мирное русло. Однако воины, брошенные своими начальниками, те, кому не было никакой выгоды в возделанных полях и богатых урожаях, и кто мог рассчитывать только на верный меч, продолжали нападать на замки своих прежних противников, унося в качестве трофеев монеты, мешки зерна и уводя пленных.

Аэлис, любуясь дикой красотой пейзажа, почти забыла о снедавшей её тревоге. Л'Аршё-век был прав: трава по краям дороги росла высокая, с крепкими и мощными стеблями, аромат колокольчиков и других лесных цветов, нежный и стойкий, будто укачивал её в спокойных объятиях. Но вот зазолотились поля, обещая обильную жатву, показалось деревянное колесо водяной мельницы, а это означало, что недалеко монастырь, где путники собирались заночевать перед последним, самым коротким отрезком пути к Суйеру. Древнеримская дорога, выложенная плитами, закончилась, так что теперь они ехали по узкой тропе среди леса Мон-Фруа, давшего имя монастырю. Аэлис не могла разглядеть ничего, кроме сплошных серых стволов в водопадах жёлтой, бордовой и тёмно-зелёной листвы, скрывавших от неё тайны леса. Ей вдруг захотелось направить коня к этой мрачной и безжизненной границе лесного царства, которое будто шептало ей на ухо, что она должна это сделать. Она помотала головой, медальон качнулся и мягко стукнул её в грудь, тихо напомнив, что надо ехать вперёд. Она вспомнила о том, как обеспокоен отец, вечно пекущийся о будущем семьи. Что-то неопределимое промелькнуло в её голове, какая-то мгновенная мысль, связанная с Жилем, с его медальоном, с рухнувшими планами, с разбитой жизнью, не с жизнью старшей и единственной дочери Сент-Нуарского патриарха, а с её жизнью, с жизнью Аэлис. Последний вздох лесного ветра прозвучал как прощание, ей показалось, что таинственные лесные духи прошептали её имя.

Долина Мон-Фруа³ оправдывала своё название. Стоило лошадям ступить на широкую дорогу, ведущую к воротам монастыря цистерцианцев, основанного аббатом Робертом, учеником знаменитейшего члена ордена Бернарда Клервоского, как навстречу им дунул холодный ветер. За величавыми дубами и кедрами показались стены, сложенные из светло-серого камня; с молчаливым достоинством возвышались башни монастырской колокольни. Деревянные створки были закрыты, дверной молоток отозвался сухим стуком, когда Озэр трижды ударил им в ворота. Новиций в белом наплечнике поспешно вышел им навстречу из узкой боковой двери. Озэр объявил:

– Филипп Сент-Нуарский и его спутники просят пристанища и защиты у аббата вашего монастыря.

Юноша энергично кивнул и побежал отпирать ворота. Несколько мирских братьев, работавших на огородах около главного здания, на мгновение подняли головы, заметив лошадей и всадников. Как только всадники спешили, двое новициев подошли, чтобы отвести лошадей в маленькую конюшню рядом с трапезной и кухнями. Один из них, самый молодой, покраснел, увидев Аэлис, но тут же отвернулся и занялся своим делом.

Главное внимание строители монастыря уделили возведению церкви и крытой галереи внутреннего двора, немало приложили они старания и при постройке зала капитула и мест уединения и размышления для членов конгрегации, да иначе и быть не могло: благородные цистерцианцы, прибывшие в Мон-Фруа для молитв и духовных трудов, мало времени уделяли мудрёным хозяйственным вопросам. Так что, хотя аббат-основатель располагал бесценными наставлениями почтенного главы ордена, процветание пришло только с избранием второго, нынешнего аббата, Гюга Марсийского, принявшего бразды правления и взявшегося за дело с жаром, подобным тому, что владел им в 1146 году, когда, будучи всего лишь 18 лет от роду, он призывал к крестовому походу против неверных и, не удовольствовавшись этим, сам в конце концов взойшёл на корабль, взявший курс на Иерусалим. К счастью, те дни и тот неудачный поход, принёсший столько смертей и унижения христианским рыцарям, остались позади, и теперь под рукой Гюга монастырь переживал редкую пору благоденствия. После долгих лет междоусобной борьбы здешние земли в кои-то веки вкушали мир, и ни один сеньор не посягал на имущество ордена ни из нужды, ни ради наживы. Аббат употребил весь свой такт, ловкость и связи на то, чтобы обеспечить себе благодатный мир. Время от времени какая-нибудь пар-

³ Мон-Фруа – Холодная Гора.

тия отправленного на продажу товара загадочно исчезала или отряд рыцарей являлся и требовал десять мешков зерна или месячную выручку от аренды мельницы. Но это случалось всё реже, зато число мирских братьев, работавших на аббатство, за последние годы значительно выросло. Пришлось построить ещё одну трапезную, dormitorio и кухню для мирских братьев. А год назад появился и скрипторий, где те немногие, кто владел искусством иллюминирования рукописей, усердно переписывали фолианты, присланные на время из библиотек других монастырей ордена. Даже прошёл слух о возможном приезде в скромную обитель епископа Шартрского. Зная непредсказуемый нрав юного Гильома Белорукого, брата графа Шампанского, аббат гадал, радоваться ему или тревожиться. Однако и для огорчений были поводы: в последнее время местные молодые люди из тех, что не могли найти себе занятия, отправлялись в Компостелу или в Иерусалим вместо того, чтобы стучаться в ворота его аббатства с тем, чтобы принять духовный сан. Другие покидали Мон-Фруа и селились под защитой стен Шартра, Руана, Тура или Реймса. Времена менялись, без сомнения. Мощности водяной мельницы, которую строили без особой надежды, подчиняясь указаниям наставников из аббатства Клервоского, хватало, и даже с избытком, чтобы молоть зерно окрестных полей. Отец Гюг вёл переговоры с несколькими крестьянами и торговцами на ярмарках в Шампани, предлагая им пользоваться мельницей. За плату, разумеется. Он с удовольствием помассировал себе ногу. Одурачивающий жар пустынь, окружавших Гроб Господень, не оставил у него по себе иной памяти, кроме лёгкой хромоты. Однако увечье оказалось весьма полезным приобретением: собеседники часто обманывались и недооценивали несчастного калеку или просто жалели его, так что переговоры вели не слишком бдительно, зачастую проявляли необдуманную щедрость, с чем добрый аббат и поздравлял себя. Хотя не все совершали подобную ошибку. Сент-Нуар взглянул на аббата с лукавой улыбкой и воскликнул:

– Мой славный аббат! С каждым моим посещением сего святого места я замечаю всё новые постройки, а ваше маленькое войско мирских братьев неизменно растёт. Так что и спрашивать не стану, как у вас идут дела. Не нужно особой проницательности, чтобы заметить: Мон-Фруа – богатая община...

– Ну что вы, что вы! – аббат сделал протестующий жест. – Мы, слуги Божьи, любим селиться, как вам известно, вдалеке от людских троп. Там где царит молитвенная тишина, не место богатству. Нам лишь бы поддержать своё существование. – Хотя на лице Сент-Нуара, пока он слушал аббата, не отразилось ничего, кроме глубочайшего почтения, аббат не обманывался на его счёт. Старый лис из замка Сент-Нуар был когда-то его головной болью. Теперь-то они могли сесть вместе за стол и выпить вина из монастырских подвалов. Аббат повторил: – Лишь бы выжить.

– Как всем нам, Гюг, как всем нам, – поспешно отозвался Филипп.

– Да. Ведь все мы дети Божьи.

Они надолго замолчали, пока мирские братья суеились вокруг стола, поднося хлеб и сыр. Вино и свежую воду аббат уже подал гостям. Бокалы были резного дерева, а пища – самая простая. Оба знали, что богатый монастырь мог позволить себе предложить и более роскошное угощение. Однако этот обед в какой-то мере представлял собою ритуальное действие: демонстрацию аскетизма. Аббат не намерен был щеголять клюнийской роскошью. Пусть ею упиваются монахи, носящие чёрное облачение, отступившие от строгих правил бенедиктинского ордена. Наконец двое мужчин остались наедине.

– До вас, должно быть, уже дошли печальные вести из Суйера, – сказал Филипп, сделав большой глоток вина, слишком щедро на его вкус разбавленного водой.

– Печаль переполнила мою грудь, когда мне об этом сообщили, – ответил аббат и добавил в раздумье, – Его чистая душа, без сомнения, нашла путь к вратам вечного покоя. Мне выпала честь быть наставником и исповедником несчастного юноши.

– Воистину несчастного. Нет большего несчастья, чем умереть, оставив за собой шлейф скорби и упрёков, – произнёс Филипп, нахмурившись.

– Ваши слова суровы, господин мой, – сказал аббат с мягким укором.

– Но разве иных слов и мыслей можно было ожидать от меня? Вам лучше, чем кому бы то ни было, известно, как бесконечные междоусобицы опустошили наши земли и обездолили наши семьи. Нам вечно не везло. – Он горестно покачал головой. – Не нашлось могущественного сеньора, графа или архиепископа, способного принести на нашу землю длительный мир. Никто не взял на себя заботы о наших несчастных краях, однако, хотя мы не богаты ни виноградниками, ни пшеницей, ни железом, ни солью, все хотели захватить нас, ведь мы оборонительный бастион между теми и этими. Мы прокляты, ибо вечно оказываемся между двух огней. И при том расположены далеко от портов, ярмарок и торговых путей... Нам досталась одна лишь роль – роль пешек в жестоких играх могущественных сеньоров, а тут ещё то и дело являются сборщики податей: мол, старый король Генрих нуждается в деньгах на оплату войска, чтобы в очередной раз сразиться со своими сыновьями, или граф Блуаский собрался выстроить новый замок на границе с Нормандией, или пришло время защищать в очередной раз Гроб Господень, и мы вытрясаем мошну, не зная, наполнится ли она вновь. Вот и всё. Слава Богу, с тех пор, как прекратилась явная вражда, и все стороны сумели, если не разрешить свои разногласия, то, по крайней мере, встать выше их, мы в конце концов дождались покоя. Ещё десять лет назад мне и в голову бы не пришло вывезти дочь за пределы семейных владений, да и вы не решились бы принять меня под своим кровом. И вот эта смерть... Накануне заключения прочного союза – результата тяжких переговоров, жизненно необходимого моей семье. Столько усилий впустую. И как это угораздило глупого мальчишку погибнуть в самое неподходящее время!

– Вы богохульствуете, Филипп, – сказал аббат с искренним чувством. – Жиль Суйерский погиб по Божьей воле, а её следует уважать. Но признаюсь, ваша досада придаёт мне уверенности. Ведь всё, что вы сказали, – доказательство горячего стремления к миру.

– У меня давно пропала охота завоевывать чужие земли, – Сент-Нуар поднял глаза на своего собеседника. Аббат был смугл, ярко-голубые глаза придавали его лицу одновременно нечто ангельское и слегка пугающее. Старый рыцарь вздохнул, как будто сбрасывая с плеч тяжёлый груз. – Теперь мне бы только уйти с миром и спокойной совестью. Единственное, к чему я стремлюсь, – безопасность родных.

– Это делает вам честь, – сказал Гюг. – Дом Господень всегда готов выслушать кающихся и дать им приют и утешение.

– Истинно так, аббат, и когда придёт для меня день покаяния, я обращусь к вам. Пока же, – продолжил Филипп, – мне следует сосредоточиться на других делах, весьма далёких, как вам известно, от вопросов веры.

Аббат промолчал. Только прикрыл глаза, ожидая продолжения.

– Гюг, – в голосе Филиппа звучало почтение, которое испытывают лишь к самым старым и заслуженным противникам, – что с нами будет? Суйер рассказал вам, что он задумал? Во имя всех стычек, в которых я пролил кровь ваших монахов, прошу вас ответить честно.

Монах встал и, подойдя к очагу, произнёс тихим, но твёрдым голосом:

– Кровь. У нас всё сводится к крови. В сердце Жили текла кровь Суйеров, и потому вы скорбите о его смерти. И при этом вам неведомо, был бы он вам хорошим наследником, имел бы потомство или в конце концов предпочёл бы вашей дочери молоденькую крестьянку. – Сент-Нуар приподнялся в кресле, побелев от гнева. Аббат остановил его взглядом. – Не важно. Жиль уже не в счёт. Вернёмся к вопросу о крови. Кто ещё, в ком течёт кровь Суйеров, жив? В чьих венах течёт животворный сок этого рода? У старого Суйера было трое сыновей: один умер, едва родившись, второй, Готье, постригся в монахи и теперь он – секретарь архиепископа Генриха из Бове. Честолюбивый и многообещающий клирик, но слуга Божий, связанный обе-

том безбрачия. Что до Жилия, – аббат перекрестился, – надеюсь, товарищи по оружию похоронили его по-христиански. Других Суйеров в наших краях нет, Филипп. Выбора не остаётся. Если, конечно, оба семейства по-прежнему желают альянса. – Он снова уселся и, наклонившись, пристально посмотрел в окаменевшее лицо собеседника, – А я советую вам продолжать начатое. Между Суйерами и Сент-Нуарами должно быть взаимопонимание. Если его не будет, мы обречены вновь вернуться в мрачные времена, о которых вы только что с такой горечью вспоминали. Случись так, и ваши владения погрязнут в нищете. А моя община утратит всё, что удалось скопить за столько лет и такими трудами. Орден не простил бы мне этого. Да и я сам себе не простил бы.

– Я понимаю, – Сент-Нуар горько усмехнулся. – Вы вечно печётесь о всеобщем благе, Гюг.

– Признаться, все мы нуждаемся в этом союзе, Филипп. И вы – более, чем кто бы то ни было. Если Суйер решит изменить условия, сохранив дух договора, я буду счастлив освятить этот брак и благословить объединение ваших семей.

– Благодарю за откровенность, аббат.

– Предчувствую, что нам предстоят трудные времена, Сент-Нуар. Я буду молиться за то, чтобы у нас хватило сил выдержать испытания, которые пошлёт нам Господь на нашем пути.

– На нашем пути к миру? – Сент-Нуар сделал плоток из своего стакана. – Нет, аббат. Бог, без сомнения, на стороне кротких и блаженных.

– Воистину.

– Воистину, братья. Господь всеблагой вознаградит нас реками, текущими мёдом и молоком в бескрайних вертоградах рая для избранных, – произнёс Луи, с иронией созерцая размоченный хлеб и остатки засохшей пищи, предложенные им мирскими братьями на ужин. Хорошо хоть в глиняном кувшине было вино.

– Разум твой явно скудеет, Луи. Реки, текущие мёдом и молоком – это рай для сарацинов. Не сбивай с толку бедных монахов, – пробормотал Озэр, пережёвывая жилистый кусок мяса. – Мы-то помним, чем кончился твой предыдущий припадок красноречия.

Они сидели напротив конюшни на кучах соломы, сваленных у задней стены кухни. Аббат предоставил им место в dormitorio мирских братьев, но рыцари предпочли устроиться на ночлег поближе к лошадям и – что ещё важнее – поближе к оружию. Монастырь погрузился в тишину, ещё более глубокую, чем обычно, слышно было только, как рыщут ночные хищники в поисках добычи. Неподальку дикий кот поймал мышь и теперь удовлетворённо ворчал, с жадностью вгрызаясь в тёплое ещё мясо. Сам окружающий воздух был пропитан чувством голода.

– Ты говоришь так, будто я совершил что-то чудовищное, *comraign*. Что плохого, спрашиваю я себя, в дивных историях о путешествиях и приключениях? – ответил Луи, устремив взор к горизонту. – Я допускаю, что ты прав, и Кокани не существует, что Кокань⁴ – выдуманное место, где сосиски растут на деревьях, а фрукты зреют на речном дне. Кстати, мне кажется, что так было бы куда правильнее, чем месяцами – как это и есть на самом деле – дожидаться урожая, и биться не на жизнь а на смерть, чтобы отвоевать у земли каждое зёрнышко. Я признаю, что Кокань не входит ни в тривиум, ни в квадривиум⁵. Однако это означает, – на этих словах Озэр повернулся на другой бок и со вздохом закрыл глаза, – это означает, что вообра-

⁴ Кокань – мифическая страна изобилия и безделья во французской и английской литературе XII-XIII веков. Страна винных рек, где за труд наказывают, а за безделье платят жалование. В ней всё наоборот – пироги сами растут на деревьях, и надо лишь лечь под дерево и открыть рот, чтобы пообедать.

⁵ Тривиум (грамматика, диалектика, риторика) и квадривиум (арифметика, геометрия, музыка, астрономия) – первые три и вторые четыре из семи свободных искусств, преподававшихся в Средние Века в школах и на младших курсах университетов.

жение не находит прибежища ни в риторике, ни в логике, а о чём это говорит, *maïchal*⁶? Да о том, что наступили мрачные и недобрые времена.

– Не называй меня так, Луи. Здесь не слишком жалуют военных в высоких чинах, а ты прекрасно знаешь, что честные монахи, проводящие столько времени в молчании, обладают куда более острым слухом, чем наш. Озэр приподнялся, вытянул ноги и обернулся к товарищу, в глазах которого так и прыгали смешинки. Он не мог удержаться и улыбнулся в ответ. Луи был сложной смесью мелкого жулика, монаха и рыцаря, и невозможно было угадать, какая из составных частей в данный момент взяла верх над остальными. – Напоминаю тебе, господин архиепископ, что в великолепном твоём рассуждении о земном рае, о твоей трижды проклятой Кокани, речь шла, в первую очередь, не о плодородных пашнях, не о реках, текущих молоком и мёдом. Ты яркими красками живописал пенные пивные моря и тихие винные заводы, щедрых трактирщиц, не устающих наполнять стаканы, обнажённых, как Ева, и как Ева же, склонных пробовать запретные плоды и готовых на всё ради удовольствия и улады счастливых пилигримов, которые там обитают. Великолепная картина, скажу я тебе.

Л'Аршёвек состроил гримасу, изображая оскорблённое достоинство. Озэр добавил:

– Нет ничего похвальнее, чем воспитывать в детях любовь к ближнему, да только, боюсь, приходская школа – не лучшее место для подобных опытов. Также не слишком разумно с твоей стороны было разевать свой огромный рот именно в пасхальное воскресенье. Могу объяснить эту глупость только лишь похмельем, вызванным неумеренным потреблением ломбардского, которое тогда ты, помнится, предпочитал прочим винам. И это в тот самый день, когда нас посетил епископ Павии! Единственное, о чём я сожалею, что с тех пор нам ни разу не довелось попробовать этого чудесного вина, потому что в Ломбардию нам дорога заказана.

– Так нам же не привыкать, *compaign*. Сколько раз мы нахлёстывали коней, спасая шкуру! – внезапно Луи посерьёзnel. – Но мне уже стало казаться, что тот раз был последний. Тебе не надоело всё это, *frater*?

Озэр помрачnel, и мимолётное выражение покоя, появившееся было на его лице, вмиг исчезло:

– Не то слово. Нет ничего хуже, чем ждать, и ждать, и ждать...

– Девушка должна подыскать себе мужа, и как можно скорее. Ты знаешь об этом. Прекрасная дама Жанна не будет долго терпеть её присутствия в Сент-Нуаре.

– Филипп Сент-Нуарский настоящий мужчина. Он горой за своё потомство, – процедил Озэр сквозь зубы. – Он её не оставит.

– Ясное дело. – Луи вскочил. – Сент-Нуар защитит своё чадо. И, видимо, уж кого-нибудь для неё присмотрел. Скажем, почтенного сеньора, со средствами и без детей, у которого много земли и мало зубов. Блестящая партия.

– Да чтоб тебя черти забрали! Что мне, по-твоему, делать? Если девочка окажется в постели старого Суйера, то по крайней мере будет спать в тепле, – он посмотрел прямо в глаза своему другу. – А ты-то с каких пор заговорил голосом совести? Если её судьба так тебя волнует, сам на ней и женись! Скажи её отцу, чтобы отдал тебе приданое, и когда ты пропьёшь всё до последней монеты, таскай девчонку с собой из провинции в провинцию, чтобы помогала тебе воровать, когда выхода другого не будет, а там, глядишь, продашь её генуэзцам за овёс для своего коня. Ясно, что отцу её на это наплевать, лишь бы с плеч долой, – нижняя губа у него дрожала.

Внезапно в кухне послышался шум. Рыцари переглянулись и по безмолвному сигналу Озэра обнажили мечи и толкнули дверь. Посреди кухни крыса билась в зубах облезлой собаки,

⁶ Автор, видимо, имеет в виду маршала, но в XII веке слово *maïchal* означало «конюший». Также не было и звания «капитан». Оно появилось немного позднее.

которую прикармливал повар. Облегчённо вздохнув, они опустили мечи и снова растянулись на своих соломенных лежанках. Помолчав, Луи произнёс:

– Прости, друг.

– Да не обращай внимания. Сам иногда не знаю, какая блоха меня укусила. Лучше помолись за нас, Архиепископ, чтобы не гореть нам всем в аду.

Аэлис мёрзла, стоя босиком на каменном полу коридора. На ней была только белая хлопчатобумажная ночная рубаша, и ветер сквозь арки доносил из внутреннего двора чистый запах сада. По одной из посыпанных белой галькой тропинок, ведущих к колодцу в центре двора, она вышла в сад, сама не зная, куда идёт. Главное было – идти куда-то, чтобы успокоить дыхание, чтобы бесшумно проскользнуть к себе в спальню незамеченной. Келья, где её поселили монахи по указанию аббата, располагалась на втором этаже, как раз над кухней. Хотя Аэлис и пыталась уснуть, беспокойство, терзавшее её всю дорогу, не давало ей сомкнуть глаз. По совету аббата она помолилась за спасение своей души. В Сент-Нуаре молитвы, возносимые отцом Мартеном в скромной часовне, обычно казались ей не более чем заученными наизусть ничего не значащими фразами, но здесь, среди суровых стен монастыря, под покровом тишины торжественным словам молитвы вернулся их первоначальный глубокий смысл. Впервые за много дней на Аэлис снизошёл блаженный покой. Перекрестившись, она вдруг почувствовала, что голодна, и с колотящимся сердцем спустилась в кухню, чтобы взять немного хлеба. Девушка знала, что ей не следовало выходить из кельи, но дома она привыкла ходить где захочет в любое время дня и ночи. В монастыре же следовало быть начеку и стараться не попасться на глаза монахам. Ей удалось незамеченной добраться до кухни. На большом деревянном столе она обнаружила спелые фрукты, наверняка отложенные поваром на варенье, судя по тому, какие они были сладкие. Она испугалась, услышав во дворе мужские голоса, но когда поняла, что это Озер и Л'Аршёвек, уступила соблазну и подошла, почти не дыша, к окну, чтобы подслушать, о чём они говорят. Услышанное исторгло у неё невольный крик ужаса, встревоживший рыцарей. Ей едва удалось убежать. Два слова – Суйер и брак – раскалённым клеймом запечатлелись в её памяти и мгновенно стёрли едва обретенное ощущение покоя.

Она упала на колени у колодца и беззвучно разрыдалась. Запах чёрной земли и мокрой травы показался ей более острым и реальным, чем когда бы то ни было, как будто жизнь вокруг стала ярче и мощней в противовес её мрачной невольничьей судьбе. Надо было искать выход, ведь лучше умереть, чем оказаться взаперти за глухими стенами и стать такой же глухой и слепой к окружающему миру. Она сложила руки и прошептала те же слова, которые повторяла всего лишь час назад. *Inviolata, integra et casta est Maria*. Богоматерь Дева Мария, одна ты непорочная из женщин. *O Mater alma Christi carissima*. Стены колодца казались очень высокими, такими же, как Святое распятие, символ Бога в лоне Земли, символ Того, кому могла она вручить свою судьбу и позабыть обо всём, что случилось в последние часы. *Quae sola inviolata permansisti*. В Нём искала она силы для того, чтобы решиться жить или умереть. *Te nunc flagitant devota corda et ora, nostra ut pura pectora sint et corpora*. И пришёл ей ответ на её молитву. *O benigna! O Regina! O Maria!* Аэлис поднялась с колен и вытерла слёзы. Она заглянула в глубь колодца, где вода была так черна, что даже луна не отражалась в ней. И отправилась обратно в свою келью. Каждый шаг по каменным плитам, казалось, возвращал её к жизни.

– Вы не передумали? – спросил Филипп, опоясываясь мечом.

– Нет. И ответ мой будет неизменен, даже если вы спросите меня об этом в четвёртый раз, – добавил аббат.

– Жаль, что вам придётся претерпеть всё это, отец, – сказал Сент-Нуар, усмехнувшись сквозь зубы, – Но я благодарен вам за помощь.

– Не стоит благодарности. Возможно, вы ещё пожалеете о том, что я с вами.

Монастырь остался позади, а с ним приор и группа дрожащих монахов в белых одеяниях, вышедших проводить аббата в час, когда солнечные лучи ещё не успели упасть на дорогу. К путешественникам присоединился и молодой новиций, которому поручено было опекать и охранять в дороге старого аббата, хотя судя по тщедушному виду юноши, ему вряд ли случилось ранее покидать стены монастыря, и казалось, что его самого придётся защищать в пути чуть ли не от каждой мошки. В кожаной сумке юноша вёз с собой пучок травок для заживления ран, от боли в ногах, от коросты и прочих дорожных неприятностей; он цеплялся за узду коня своего наставника так отчаянно, будто прикосновение к этим ремешкам придавало ему сил. Аэлис чуть не рассмеялась, когда, напуганный громким ржанием коня, юноша споткнулся и упал ничком. Все его тщательно увязанные травы разлетелись по земле, и конь прошёлся по ним копытами, запачкав глиной. Новиций встал и растерянно оглянулся на своего аббата, а Л'Аршёвек тут же принялся с удовольствием над ним подшучивать:

– Мой добрый frater Рауль, я же говорил вам, что ни к чему брать с собой в графство Першское столько трав. В конце концов, – продолжал он, поглядывая искоса на Сент-Нуара, – оттуда либо вернёшься живым, либо уж никогда не вернёшься. И тут никакие снадобья не помогут.

– Аршёвек! – воскликнул аббат, едва сдерживая гнев, – Оставьте моего новиция в покое. Как вам не стыдно!

– Excusatio, дорогой аббат. Близость к замку наших добрых соседей Суйеров наполняет моё сердце радостью и заставляет умолкнуть столь часто звучащий в моей душе глас осмотрительности, – ответил Луи с ироническим блеском в глазах.

– Осмотрительность в вашей душе, Аршёвек, не назовёшь частым гостем, – проворчал аббат.

– Досточтимый аббат...

– Помолчите! – воскликнул Сент-Нуар. – Мы уже почти приехали. Приберегите пыл на будущее. Нам ещё найдётся, о чём поговорить, не беспокойтесь.

Хмурый патриарх, возглавлявший кавалькаду, обернулся на своих спутников, и, глядя на него, они заметно приуныли. Озэр не проронил ни слова с тех пор, как они выехали из Мон-Фруа, а теперь смолкли и все остальные. Не было слышно ничего, кроме глухого стука подков по бурой земле и шуршания приминаемой травы. Аэлис не смогла сдержать дрожи, когда силуэт Суйерского замка вдруг показался за поворотом.

Долина, по которой ехали всадники, имела вид обычный для графства, выросшего вокруг железных, медных и соляных приисков. То тут, то там в унылой дали возвышались красноватые холмы и тёмные трубы, из которых валили дым и пар от кузен и плавильных котлов. Не было ни засеянных полей, ни огородов, ни садов, ни сосновых рощ, а деревья, росшие по одну сторону дороги, скорее напоминали забор из голых стволов, где путнику негде было укрыться от дождя и от солнца. И именно тут, посреди чёрной равнины, на самом высоком холме, который только нашёлся в округе, и поселилось семейство Суйеров. Аэлис перекрестилась, подумав, что ад, вероятно, смахивает на это место. Однако она вынуждена была отметить для себя, что замок Суйеров с виду куда более внушительен, чем Сент-Нуар, хотя бы потому, что на подходе к нему приходилось принуждать коней карабкаться по крутой узкой тропе, и нужно было задрать голову, чтобы увидеть его надёжно охраняемые высокие каменные стены. Солнце уже стояло высоко, так что можно было оценить мастерство строителей и их познания в военном деле: большую часть дня, благодаря правильной ориентации построек, солнечные лучи должны были бить в глаза тем, кто захотел бы взять замок Суйер штурмом, как будто сам Господь был союзником тех, кто жил в нём.

Подъехав к воротам, Сент-Нуар приказал остановиться и громко заявил о своём прибытии:

– Сент-Нуар – Суйеру! Я явился принести соболезнования старому другу в связи с кончиной наследника. Отворите ворота! Я и мои спутники просим гостеприимства.

Озёр и Л'Аршёвек выпрямились в сёдлах, нарочно держа руки на виду, но ни на секунду не расслабляясь и не спуская глаз со стражников, охранявших огромные деревянные ворота. Дул сильный ветер, будто бичом хлеща гору и раздувая плащ Аэлис. Аббат смотрел вперёд, не разжимая губ, а его новиций бормотал молитву с таким видом, будто не надеялся пережить этот день. Сент-Нуар подождал и, видя, что в замке нет никакого движения, пустил своего коня в пляс на месте и обнажил меч. Аэлис задержала дыхание и показала жестами, что хочет что-то сказать, но аббат знаками велел ей молчать. Филипп поднял меч вверх, и лезвие ослепительно блеснуло прежде, чем с размаху вонзиться в глинистую почву чуть не на треть. Протекло несколько нескончаемых мгновений, наконец заскрипели петли, и ворота распахнулись. Глуховатый тусклый голос приветствовал их из полумрака внутреннего двора крепости.

– Всегда спокойнее видеть вас безоружным, Филипп. Спасибо, что пришли утешить меня в ужасном испытании, ниспосланном мне Господом.

– Ваши посланцы в точности повторили ваши слова, а я выполнил вашу волю, – сказал Сент-Нуар, твёрдо взглянув в глаза собеседнику.

Аэлис никогда не видела своего отца таким неприветливым, точнее, никогда его взгляд не был таким непроницаемым, будто сам он стал человеком-крепостью, нестигаемой и неприступной для чужой воли. Она почувствовала гордость за него, а собеседник, напротив, казался ей самым отвратительным старикашкой, какого она видела в жизни, кроме, разве что, прокажённых, которые в праздники толпились у сентнуарской часовни, выпрашивая милостыню. У этого не было гнойных язв на руках, и он не закрывал лица капюшоном, но кожа его напоминала сморщенный пергамент цвета миндального молока. На увядшем лице старика, словно на искорёженной маске, едва угадывалось смутное сходство с мягкими чертами его покойного сына Жилия. Кожа Жилия была мягкой и розовой, а кожа отца казалась жёсткой и холодной. Его губы и глаза – единственные цветные пятна на лице – отличались неприятным красноватым оттенком. Казалось, что кровь приливает к ним сильнее, что без сомнения указывало на чувственный темперамент. По крайней мере, так говорилось в книгах, запрещённых ей отцом Мартеном, которые Аэлис, однако, с увлечением листала в часы одиночества, отдыхая от прялки и веретена. Она опустила глаза, стараясь не думать об аппетитах этого бледного старца. Неожиданно он вдруг воспрял, будто напившись энергией от своих гостей, и приблизился к ним, опираясь на узловатую палку из тёмного дерева.

– Позаботьтесь о лошадях господ! Ну же, бездельники! Что вы стоите? Не позорьте мой дом своей медлительностью! – вскричал он.

Конюхи поспешили взять под уздцы лошадей, а слуги подхватили дорожные сумки и понесли их в покои. Аэлис никогда не видела, чтобы у кого-нибудь было столько слуг. Она знала, что Суйеры могущественнее её отца, но ощущать могущество так осязаемо – совсем не то, что слушать рассказы о нём.

– Прошу вас, – произнёс старик, – войдите в мой дом. Пусть он будет вашим так долго, как пожелаете, – он расхохотался. – Не принимайте этого на свой счёт, аббат. А то вы, пожалуй, можете поймать меня на слове.

– Я никогда не совершил бы такой ошибки, Ришер. Я слишком хорошо вас знаю, – произнёс аббат елеиным тоном.

– Ладно, ладно. Вам давно уже не приходится жаловаться вашему доброму покровителю епископу Шартрскому, – перебил его Суйер. – Разве нынешние времена не почитаются у вас за чудо? Между нами наконец наступил мир, благодаря бесконечной милости Господа и ещё более бесконечным трудам его верного аббата. Монастыри вашего ордена растут кругом, как грибы, оплетая землю белой паутиной. А мои советники-священники только и знают, что под-

носить мне на подпись дарственные на земли и деньги для ордена цистерцианцев. Нет, аббат, жаловаться вам не на что, – повторил старик.

– Архиепископ будет рад узнать о вашей щедрости и богобоязненности. Я прикажу служить больше молебнов за спасение вашей души и душ ваших близких, – мягко ответил аббат. Слова его попали в цель: Суйер заморгал, вспомнив повод, по которому все собрались.

– Оставьте мою душу в покое. Прошу вас отслужить мессу по мальчику в моей часовне, раз уж вы здесь. Если бы это было возможно, я молил бы вас повернуть время вспять и вернуть мне моего единственного наследника. Но раз уж это невозможно, отслужите мессу и помолитесь, – пробормотал Суйер. Его бледная морщинистая кожа чуть потемнела от чувства смутно похожего на боль. Он взглянул на рыцарей, на Сент-Нуара и, наконец, на Аэлис. На лице его появилась гримаса, которая должна была, видимо, означать улыбку. – Ах! Простите мою нелюбезность, милая дева. Я вечно в одиночестве, не привык к компании, тем более, такой приятной, как ваша. Я тут заговорился, а вы стоите в грязи на ветру. Мои слуги о вас позаботятся, – опираясь на посох он сделал жалкую попытку поклониться.

Аэлис не знала, что ответить и ограничилась глубоким преувеличенно почтительным реверансом. Л'Аршёвек пришёл ей на помощь, радостно возгласив:

– Не одна только девушка замёрзла на этом чёртовом ветру. Неужто не найдётся доброго огонька, чтобы просушить наши кости?

Озэр молча посмотрел на него, взглядом как бы говоря: ты безнадёжен. Невозможно было объяснить Луи, когда следует вступать в разговор, а когда лучше воздержаться. Столько раз судьба его зависела от настроения собеседника, но Суйер, похоже, воспринял выступление рыцаря доброжелательно.

– Экий храбрец! И не удивительно: ведь он из вашей свиты, Сент-Нуар. Однако голову бы дал на отсечение, что это придворный шут, судя по его щегольскому наряду. Как бы то ни было, он прав. Пойдём в гостиную, там у камина вы восстановите силы.

И не теряя больше времени на разговоры, все направились в замок.

Глава третья

Глянув в широкое окно второго этажа, Аэлис увидела, как слуги озабоченно снуют туда-сюда по двору замка. Поварята волокли коровьи ляжки, бараньи ножки и огромные корзины из ивовых прутьев, полные яблок и груш. Тем временем эконо́м вручал кошельки торговцам, только что доставившим продукты. Дверь на кухню была открыта, и можно было разглядеть огромные, разложенные прямо на полу костры, на которых в огромных котлах варились соусы, супы и приправы. Помощники главного повара непрерывно помешивали варево. Мощный аромат кушаний доносился в столовую и щекотал ноздри едоков ещё до того, как блюда подавались на стол. Суйер знал, чем угостить путников после утомительного путешествия, пища и вино прекрасно восстанавливали силы. Теперь служанки торопливо выносили блюда с остатками жареного на вертеле мяса и миски с бульоном, а собаки с наслаждением принялись за кости. В очаге пылал огонь, и изображения воинов со шпалер, висящих на стенах зала, казалось, оживали в его отблесках. Пол устилали не солома и не опилки, а шкуры медведей, волков и неведомых Аэлис животных. Сам Суйер сидел, укутав колени чёрной блестящей шкурой с огромной зловещей мордой, похожей на кошачью, и холодными зелёными глазами.

– Это шкура пантеры, госпожа моя, – сказал старик, видя недоумение Аэлис. – Большой кошки, из тех, что водятся далеко за землями, где сражаются воины Господни. Я купил её у генуэзского торговца в Труа. Он клялся, что когда-то она принадлежала самому Александру. Я не поверил, но заметьте: шерсть до сих пор такая шелковистая, будто жизненные соки всё ещё струятся по её венам. Хотите убедиться?

Суйер взял свой бокал и осушил его одним глотком. Аэлис бросила робкий взгляд на отца. Сент-Нуар сидел в большом деревянном кресле и молча смотрел на хозяина дома. Будто верные тени, Озэр и Луи замерли за спиной своего господина, первый – выпрямившись, держа руку на рукояти меча, второй – лениво опираясь о каменную колонну, подпиравшую потолок. Рыцари Ги и Раймонд – гвардейцы Суйера, передавшие грустную весть о судьбе Жилия, – предпочли остаться снаружи, их едва было видно в проёме двери. Аббат сделал несколько шагов и, прежде чем заговорить, соединил кончики пальцев:

– Мы благодарны вам за гостеприимство, Ришер. Теперь, должно быть, пришло время помянуть вашего сына Жилия, – начал он осторожно.

Суйер злобно зыркнул на него своими красными глазками. Старый аббат не нравился ему. Приходилось терпеть святошу ради его покровителя, епископа Шартрского, брата графа Шампанского. Но в своём замке Суйер не позволял распоряжаться посторонним.

– Аббат, я мог бы многое вам напомнить, и в частности, что на поминках по моему сыну ваше дело – сторона. Мы с Сент-Нуаром разберёмся сами. Довольно и того, что я позволил превратить приватную беседу в ярмарочное представление. Так уж будьте любезны молчать, как и положено зрителям.

– Прежде, чем добрый аббат успеет оскорбиться, скажу, что слова ваши мудры, Суйер, – заметил Филипп Сент-Нуарский. – Я желаю выслушать вас и никого более.

– Вид двух мужей, прежде враждовавших, а ныне стремящихся к переговорам, наполняет моё сердце радостью, – пробормотал аббат. – Слава Господу.

– Слава, – отозвались хором все присутствующие. Дрожащий тонкий голос Аэлис прозвучал в диссонанс мужским голосам. Суйер поставил бокал на подлокотник кресла.

– Надо пересмотреть условия договора, – произнёс он невозмутимым тоном. – Вы должны увеличить приданое, Сент-Нуар. Выдать дочь замуж за наследника и за сеньора – не одно и то же.

– Я готов, – быстро ответил Филипп, – но земля, которую вы передали нам в дар при помолвке, останется за нами. Вряд ли эти болота для вас такая уж большая потеря, – добавил

он, не скрывая иронии. И искоса глянув на Аэлис, закончил, – И не думаю, что злоупотреблю вашей щедростью, если попрошу назначить те земли, что граничат с монастырскими и с моими пшеничными полями, вдовьей долей Аэлис.

– Вы сами знаете, что просите слишком многого! Иначе к чему взывать к моей щедрости, – воскликнул Суйер, стукнув кулаком по столу. Никто и подумать не мог, что в нём столько энергии. Озэр едва заметно шевельнулся, а Луи отошёл от колонны. – Я вам говорю, что девочка станет госпожой в этом замке. После моей смерти она унаследует всё. Вам ни к чему требовать её вдовью долю, и тем более требовать в этом качестве самые плодородные земли моих владений.

– Но вы ведь не забыли о своём сыне Готье? – мягко напомнил Сент-Нуар.

– Так он духовное лицо! От него толку не больше, чем от евнуха. Не будь на нём сана, стал бы я жертвовать удобным и размеренным образом жизни? – возразил Суйер. – Неужто вы думаете, что я жажду воспитывать малолетку? Кто знает, когда ещё мне достанется такой обед, как тот, что мы ели этим вечером? Слава Богу, есть у меня хорошие слуги, которые смогут кое-как подправить ошибки хозяйки-неумехи.

Сент-Нуар пропустил выпад мимо ушей. Без подобных провокаций не обходятся сложные и порой не слишком дипломатичные переговоры о союзе между семьями. Нельзя было терять голову: на карту поставлено будущее дочери и мир на землях графства. Он улыбнулся, успокаивая собеседника, и продолжал:

– Да, сейчас ваш сын Готье – священник, но кому ведомо, какие сомнения могут охватить и лучшего из слуг христовых, в какое искушение может впасть при виде столь завидного наследства бедный секретарь епископа, вечно пребывающий в шаге от роскоши, в которой купаются наши мудрые правители? Нет, Суйер. – Сент-Нуар откинулся в кресле, чувствуя себя победителем. – Я требую в качестве вдовьей доли те земли, о которых упомянул. Подумайте, ведь речь идёт о предосторожности, которая, окажись она даже и бесполезной, хотя бы успокоит душу отца, пекущегося об интересах дочери. Так не лишайте меня покоя.

– Ну ладно, ладно, – скрепя сердце согласился Суйер и добавил, пожирая глазами Аэлис, – Лучшие в мире земли за самую прекрасную невесту. Кстати, Аэлис – довольно необычное имя, Сент-Нуар. Иностранное, на мой слух.

– Моя первая жена была родом из Окситании. Там это самое обычное имя, – ответил Филипп и невольно стиснул зубы при воспоминании о Франсуазе.

– Ладно. Не важно. Женщины семейства Суйер всегда звались Изабель или Бланш. Такая у нас традиция, видите ли. – Старик прищёлкнул языком. – Ваша дочь может выбрать имя, которое ей больше по душе, хотя по цвету кожи я бы назвал её Бланш, Белянка. Да, Бланш де Суйер. Отлично звучит.

Сент-Нуар смиренно улыбнулся. Поменять дочери имя ради того, чтобы брак состоялся, пустяк, учитывая, сколько судеб зависело от этого союза. Он поднял свой деревянный бокал и сделал глоток. Аббат смотрел в окно, будто замороженный красотой заката. Суйер поглаживал шкуру, лежавшую у него на коленях, будто гипнотизируя гостей.

Аэлис наблюдала за происходящим. Старая чёрная шкура подчёркивала бледность лица и красноту вокруг глаз Суйера, казалось – что это единый трёхцветный монстр, подобный грифам, гиенам и василискам, о которых ей столько раз рассказывал отец Мартен. Она проглотила слюну и собрала всю волю в кулак, чтобы совершить задуманное. Каждый ритмичный толчок в её груди отзывался эхом по всему телу, колени дрожали.

– Отец, – произнесла она громко и отчётливо.

Все удивлённо обернулись к ней. Луи поднял голову, как будто увидел щенка, вытворяющего на его глазах нечто забавное. Суйер поглаживал лоб и маленькие ушки пантеры. Озэр кинул быстрый взгляд на Сент-Нуара, который уверенно отозвался:

– Да, дочь.

– Нет. Я не к вам обращаюсь. Я хочу поговорить с аббатом. Мне надо кое-что сказать ему.

Аббат обернулся к ней, удивлённый. Сент-Нуар медленно поднялся с кресла. Он не понимал, что происходит, однако важнее всего было вновь овладеть положением. Суйер не произнёс ни слова, но его глаза жадно перебегали с одного лица на другое, пытаясь прочесть недосказанное по губам собеседников. Губы Аэлис не двигались, но её зелёные глаза пылали. Она тоже стояла, и вдруг как будто стала выше ростом, прямая, как струна. Озэр прикрыл глаза. Древние амазонки, должно быть, смотрели так на мужчин, поражая их стрелами.

– Без сомнения, мы так увлеклись своими делами, что нарушили ваш обычный распорядок молитв, и хорошо, что вы напомнили мне об этом, дочь моя. Ступайте в часовню с аббатом. Я разрешаю, – сказал Сент-Нуар. Мрачное выражение его лица не оставляло места сомнениям.

В этот момент Аэлис ещё могла отступить, но в её жилах текла та же кровь, что заставляла Филиппа навязывать всем свою волю. Она качнула головой, давая понять, что не уйдёт, и решительно вздёрнула подбородок.

– В часовню можно и не ходить. Но речь и в самом деле идёт о вопросах веры. – Она обернулась к аббату Гюгу, устремившему на неё проницательный взор. Девушка выдержала его взгляд и произнесла, пав перед ним на колени: – Я дала обет невинности, отец мой. Мне следует блюсти его, иначе я рискую спасением своей бессмертной души.

Всё, что последовало за этим, навсегда запечатлелось в памяти Аэлис хороводом бессвязных эпизодов: аббат поглядел на неё, протянул руку для поцелуя, и в его глазах она прочитала великую скорбь; Суйер разразился трескучим и неприятным смехом. Но чего она никогда не могла забыть – так это свирепой гримасы на лице отца, хватающего её железной хваткой за руку выше локтя и волокущего в спальню, которую Суйер предоставил гостям. Беспощадный, не слушая её жалоб, не удостоив её ни единым взглядом и не произнеся ни слова, он захлопнул за собой дверь и швырнул её на пол. Аэлис упала рядом с деревянной лежанкой, покрытой соломенным тюфяком и замерла там, скорчившись, в молитвенной позе.

– Не объяснишь ли ты мне, что это значит? – спросил Филипп Сент-Нуарский. Он был взбешён. Дочь выставила его посмешищем перед будущим союзником и бывшим врагом. Нельзя было позволить себе роскоши казаться слабым, и тем более – уступить женщине из собственного рода.

– Говори! – приказал он.

– Мне нечего объяснять. Я решила вручить себя Господу. Я дала обет, не позволяющий мне взойти на брачное ложе ни с одним мужчиной, ибо я супруга Божья. Я так решила. Вот и всё, – сказала Аэлис, не оборачиваясь. Слова её звучали чуть слышно, но твёрдо.

– Нет, не всё: ты здесь ничего не решаешь, – гневно возразил Сент-Нуар. – Ты выйдешь замуж за Ришера Суйерского и станешь хозяйкой этих земель. Такова моя воля.

– Отец, не уговаривайте меня. Моя вера искренна и сильна. Оставьте меня!

Из окна доносились крики и хохот солдат, толпившихся без дела во дворе. Аэлис встала и подошла к отцу. Патриарх изменился в лице, увидев залитые слезами глаза дочери, и на мгновение в его взгляде мелькнула тень понимания.

– Знаю, тебе трудно. Жиль был славным мальчиком, и тебе нелегко смириться с его смертью. Но я также знаю, что ты достойная дочь своего отца и тебе по плечу стать хозяйкой Суйера. Ясно, что тебя охватывает робость при виде этого величественного замка и при мысли, что тебе придётся в нём хозяйничать, но здешние старожилы помогут тебе. Ты будешь самой уважаемой и почитаемой хозяйкой замка в округе. – Он помолчал и, не дождавшись ответа, добавил с явным облегчением, надеясь, что буря миновала: – Наш путь был долгим и утомительным, а я не позаботился о том, чтобы ты отдохнула. Слишком много переживаний за два дня, дочь моя.

– Оставьте меня, – повторила Аэлис упрямо. – Я не ваша. Я супруга Христова.

– Чёрт меня побери! – взревел Сент-Нуар, потеряв терпение. – Неблагодарная! Супруга Христова? А где был Христос, когда Жиль пытался уволочь тебя в пшеничное поле? Или ты только тогда обращаешь взор свой к Животворящему кресту, когда земной супруг – дряхлый беззубый старец? Глупая девчонка!

Аэлис смотрела на него изумлённо. Отец никогда не разговаривал с ней так, будто она одна из непотребных женщин, развлекавших ночами солдатню. В тёмных глазах Сент-Нуара читалось одно только раздражение. Однако он продолжил спокойнее:

– Ты разве не видишь? Мы явно в выигрыше! Старик Суйер протянет от силы несколько лет, ты не успеешь и глазом моргнуть, как станешь вдовой и владелицей его земель. За исключением того, что достанется в наследство его сыну Готье, а я уж позабочусь, чтобы его часть оказалась поменьше. И тогда-то ты будешь вольна делать всё, что тебе заблагорассудится: хочешь – венчайся с Христом, хочешь – с самим папой. Потому что мы, Сент-Нуары станем самыми могущественными и богатыми сеньорами графства Перш. И великие владыки, ставящие на кон корону, будут просить у нас помощи в каждой войне, а мы уж постараемся не остаться внакладе.

Он поднял руку, и на пальце блеснуло фамильное кольцо с отчеканенной на серебре башней Сент-Нуара. Чуть ли не молитвенный экстаз отразился на лице патриарха. Искренняя тревога за будущее семьи двигала всеми его поступками ещё с тех пор, как он внушил себе, что дама Франсуаза, мать Аэлис, не сможет родить ему больше наследников. Продолжить род, сохранить власть, собрать воинов под свои знамёна и защитить наследие семьи. Аэлис, растроганная, едва не кинулась ему в ноги и не попросила прощения за то, что делает. Она знала, что причиняет боль, что станет источником новых страданий для отца, но всё же предпочла остаться верной тому мгновению, когда, коленопреклонённая у высокого колодца в монастырском дворе, она дала себе слово не сдаваться, не позволять, чтобы иная воля, кроме её собственной, руководила её поступками, а потому пылко возразила:

– Я не хочу быть вдовой Суйера! Я не могу выйти замуж с мыслью о скорой смерти супруга, ибо каждая ночь в его постели будет шагом к моей собственной могиле. Не делайте меня такой. Умоляю вас, отец.

– Такой? Что ты хочешь этим сказать? Разве плохо сделать тебя независимой и богатой как можно скорее? Я желаю тебе только добра. – Сент-Нуар был близок к отчаянию. Его дочь оказалась такой же упрямой, как её мать, да и как он сам.

– Единственное, чего желаю я, – уйти в монастырь. Я попрошу аббата Гюга дать мне рекомендательное письмо в какое-нибудь аббатство его ордена, – заявила Аэлис, собравшись с духом. Она вытерла слёзы и с удивлением заметила, что отец смеётся.

– Аббата Гюга! Рекомендательное письмо! – Сент-Нуар от души веселился. Наивность дочери успокоила его. Далеко не всё было потеряно: Аэлис представления не имела, какие нити двигают поступками людей, да, в конце концов, он же отец ей. Порядок должен возобладать в мире.

– Милое дитя, аббат ничего подобного не сделает, разве что ты постучишься в его ворота с мешком золота под мышкой. Потому что монахи принимают лишь тех, кто может оплатить своё пребывание в монастыре, кто деньгами, а кто – трудом. Доить коров и выращивать овощи ты ещё не научилась, и сомневаюсь, что нашему доброму Гюгу покажется полезным твоё мастерство вышивальщицы, так что придётся нести деньги. Монеты, отчеканенные в Шампани или при дворе Антипапы, лиможские бокалы или арабские кинжалы, инкрустированные драгоценными камнями, меховые покрывала или реликвии святого Бернарда... так или иначе, деньги. Деньги, которых у тебя нет, однако твой многотерпеливый отец бьётся за то, чтобы они у тебя появились, как бы ты ни сопротивлялась. Когда ты станешь богатой вдовой Суйера, все монастыри от Брюгге до Сен-Жан-д'Акр распахнут перед тобой двери. Тогда-то ты поблагодаришь меня за заботу.

Сент-Нуар уже веселее взглянул на свою бледную дочь и решил, что на сегодня сказано достаточно. Утром ещё будет время уладить недоразумение с Суйером и скрепить договор. А пока бесполезно биться за то, чтобы вдолбить каплю здравого смысла в упрямую голову Аэлис. Он повернулся и вышел из комнаты, не оглядываясь. За дверью его дожидались Озэр и Л'Аршёвек.

– Озэр, стереги эту дверь. Ты мне жизнью за неё отвечаешь. Старый лис Суйер облизывался на девчушку чаще, чем гладил шкуру пантеры, в которую закутаны его ноги. – И добавил: – А ты, Луи, ступай во двор, и если кто попытается влезть в это окно или вылезти из него, убей, не раздумывая. Потом мы скажем, что ты осла от крысы не отличишь, не волнуйся.

– Да, сеньор, – отозвались рыцари в один голос.

Сент-Нуар удалялся по коридору. Двое друзей смотрели ему вслед, когда он вновь вошёл в зал, откуда вскоре раздались возгласы и смех.

– Так что я слепец, а ты – статуя. А за этой дверью невеста Христова, – промурлыкал себе под нос Л'Аршёвек. – Славная предстоит ночь.

– И молись, чтобы сумасшедшей девчонке не взбрело в голову учудить ещё что-нибудь, – отозвался Озэр, расстилая на полу плащ, чтобы не замёрзнуть на голых плитах. Он растянулся во весь рост у двери, а рядом положил меч в ножнах.

– Ну, во всяком случае, пока что свадьба со стариком вилами на воде писана, – сказал Луи. – Если что, считай, я этого не говорил, но она оказалась хитрюгой, хотя вмешивать Господа в дела людские всегда не к добру. Думаю, сам аббат лишился дара речи, хотя и закалён в боях с сарацинами Дамаска и с христианами Византии.

– Откуда она взяла этот обет невинности? – пробормотал Озэр, размышляя вслух. – Он ведь почти как папская грамота. Никто не смеет её пальцем тронуть, если она не отречётся от этой клятвы.

– Ошибаешься. Её ещё потащат в суд. К счастью, святые Отцы Церкви обойдутся без испытания огнём и водой, так что белоснежная девичья кожа останется нетронутой.

– Заткнись! Не каркай. – Озэр заворочался на жёстком полу. С таким сумасшедшим под боком я в жизни не засну. – Марш на свой пост. Завтра нам придётся убраться домой, прежде чем Суйер устанет от роли гостеприимного хозяина, которую он исправно играл до сих пор.

– Слушаюсь, магйшал. И пусть тебе снятся темнокобые и зеленоглазые гурии. – Л'Аршёвек унёсся огромными скачками, на ходу отвесив глубокий поклон дверям зала, за которыми скрылся Сент-Нуар. Собаки приветствовали его дружным лаем.

– Я уж думал, ты не приедешь, сын.

– Пришлось дожидаться возвращения архиепископа, чтобы отпроситься.

– Ясно. Я мог бы лежать при смерти, заглядывать во врата рая, а ты не тронулся бы с места, пока твой прекрасный архиепископ не соизволит тебя отпустить. Удивляюсь, как ты ещё осмеливаешься дышать без его одобрения, – проворчал старик, делая глоток горячего миндального молока. Питьё оставило белесый след на его губах.

– Вам не видать врат рая, отец, – процедил сквозь зубы клирик. Вместо ответа старик Суйер вытер рот тыльной стороной ладони.

Готье Суйерский глядел на отца с презрением. В комнате, куда они удалились после ужина, горела тусклая масляная лампадка и в её призрачном свете налитые кровью глаза старика казались ещё более зловещими. Ещё б девице Сент-Нуар не возопить, что скорее она даст запереть себя в монастырь до конца жизни, чем выйдет за него замуж. Насколько мог судить Готье по беглому взгляду на неё и по пересудам прислуги, девушка была здорова и миловидна. Без сомнения, она мечтала о долгих страстных ночах в объятиях Жилия, а его отец слишком мало походил на её идеал. Он нахмурился. Несчастливая судьба его незадачливого брата открывала для него определённую перспективу, пусть рискованную, но заманчивую. Готье принял

сан, сознавая, что это единственная возможность избавиться от безжалостного ига патриарха Суйерского и его гнусной жадности. Он устроился писцом в соборную школу Реймса, понимая, что меняет власть тирана, чья кровь текла в его жилах, на власть неродных ему деспотов, однако дело того стоило. Он стал правой рукой архидьякона, а затем дорос до должности личного секретаря архиепископа Реймского. С тех пор дело пошло как по маслу: чего стоит забраться на гору, если ты едешь на закорках брата короля Франции! Куда уж лучше! И, покуда жив был его брат Жиль, только так можно было добиться власти, земель, богатства, не рассчитывая на помощь семьи. Но тем не менее, несмотря ни на что Готье в душе всё ещё мечтал унаследовать когда-нибудь Суйерские владения, самому обладать собственностью, вместо того, чтобы управлять чужой. Смерть Жилия была добрым знаком. Готье удовлетворённо вздохнул. Теперь главное – чтобы старик женился на Сент-Нуарше. Если он этого не сделает, любая седьмая вода на киселе, а то и какой-нибудь обнаглевший вассал заявит свои претензии на наследство, ссылаясь на отсутствие наследников по прямой линии, и земли будут потеряны навсегда. Хотя чресла старика могли родить разве что мочу, надо было поддерживать иллюзию возможности появления на свет нового Суйера. Молодая здоровая жена – лучший способ доиграть этот фарс. Позднее, когда девчонка проведёт достаточно ночей под кровом отца и накопит столько злобы, что её очаровательные зелёные глаза, как гляделки старика, нальются кровью, союз с нею станет вопросом времени. Торжествующая улыбка появилась на его лице. Случается, что люди в страшных судорогах умирают от неизвестных болезней. Будет время выбрать недуг посимпатичнее. Что-нибудь мучительное и болезненное. Как бы то ни было, старик умрёт, и тогда Готье сможет сбросить, как докучную помеху, своё чёрное облачение, отрастить волосы и бороду и вновь почувствовать себя мужчиной. Как достойный муж, движимый чувством долга по отношению к семье, он покинет Святую Матерь Церковь, разумеется, против собственной воли, и женится на безутешной вдове. Род Суйеров станет самым могучим в графстве.

– О чём ты думаешь? Ты похож на кота, которому показали мышь, – спросил с любопытством Ришер Суйерский.

Готье моргнул и посмотрел на отца. Он позволил себе увлечься мечтами о блаженном будущем. Но ещё не время.

– Вы угадали, отец, – невозмутимо заметил он. – Я думал о зверушке, о дикой кошке из Сент-Нуара. Вы уверены, что стоит тратить время и деньги на тяжбу за неё? В наше время церковные суды куда менее решительны, чем в прошлом. Если девчонка будет настаивать на том, что дала обет, кто мы такие, чтобы сломить её волю?

Как он и ожидал, его притворное спокойствие заставило отца разбушеваться.

– Несчастный! Я всегда знал, что от тебя толку чуть, – бросил отец. – Тебе повезло, что святоши приняли тебя под своё крылышко, пока Жиль был рядом со мной. Но теперь тебе придётся забыть о манерах монашки. На карту поставлена честь! Сент-Нуар согласен с условиями, и я тоже. Следует исполнить договор.

– А то, что девчонка отнюдь не чучело, тут не играет роли.

– Разумеется, в этом смысле она меня не разочаровала. Твоя мать, обретшая вечный покой на кладбище при нашей часовне, была добрая женщина, но я, бывало, гляну ей в лицо – ну вылитое жвачное животное. Предполагаю, что у неё тоже сложилось определённое мнение о моих чертах лица, однако она имела милосердие держать его при себе. – Он заговорил тише. – Ты разве не понимаешь? Девчонка – это наш шанс.

– Что вы имеете в виду? – планы отца, впрочем, были как на ладони. Готье скривил рот.

– Сент-Нуар не способен повелевать даже девчонкой. Его собственная кровь бунтует против него. Он слаб. Зато у меня достанет решительности вынудить её к браку! Как только слух разнесётся по округе, можно созвать сеньоров и рыцарей, охочих до чужих земель, и захватить Сент-Нуар со всеми его плодородными землями, – Ришер Суйерский в запальчивости ухва-

тился за посох, но с трудом встал с кресла. – Его не спасёт жалкая кучка наёмников, которых он держит в замке, какими бы свирепыми они ни были. И Суйер возглавит войско, которое сметёт с лица земли замок и покончит с этим родом! – Задыхаясь, он снова рухнул в кресло.

– Прекрасная идея. А я и не знал, что вы снова намерены взяться за грабежи и разбой. Должно быть, здоровье ваше изрядно поправилось, отец, – заметил Готье с иронией. Ришер бросил на него мрачный взгляд.

– Сукин сын. Ты прекрасно знаешь, что именно поэтому я тебя и вызвал, – процедил сквозь зубы Суйер.

– А я-то думал, что вы позвали меня, чтобы вместе преклонить колени и помолиться у могилы вашего сына, – ехидно ответил клирик.

– Молиться я буду, когда у меня кровь окончательно высохнет в жилах! – взорвался старик. Он кашлянул и харкнул на пол. – Чёрт возьми. Не зли меня, а то я задыхаюсь. Ты никогда не был дураком. Потому и ухватился за фалды епископа. Теперь мне нужна твоя голова и твой меч.

Готье отвернулся от отца и подошёл к окну. Взглянул во двор, где дремали слуги, а дежурные стражники собрались вокруг костра. Под одним из окон напротив кто-то сидел, прислонившись спиной к стене. Это был один из двух рыцарей из свиты Сент-Нуара. На коленях у него поблёскивал обнажённый клинок. Клирик задумчиво покачал головой. В конце концов, не в том ли смысл жизни, чтобы вовремя воспользоваться приливами и отливами, переменами в течении, и, похоже, ветер на этот раз дул в его паруса. Предложение отца приближало его ещё на шаг к вожаемой фамильной печати. Возможно, прольётся кровь, но так уж водится. А что до девушки, то люди женятся и выходят замуж каждый день. Браком больше, браком меньше...

– Согласен. Но вы кое о чём забыли, отец, – сказал Готье, оборачиваясь к старому Ришеру. Тот промолчал, и Готье продолжил, взвешивая каждое слово: – Церковь, по крайней мере, на словах, не допускает браков без взаимного согласия. И хотя девица была помолвлена с Жилем, ясно, что новый вариант её не устраивает. Не следует доводить дело до церковных судов, ведь судьи могут встать на сторону девушки. Присутствие аббата Гюга тут очень некстати. Однако он человек осмотрительный и если и станет действовать, то только будучи в безопасности и на своей территории. Для нас было бы лучше, чтобы брак фактически уже состоялся, так что стоит поторопиться, если мы хотим выиграть время.

Ришер Суйерский кивнул и прошипел злорадно:

– Чего же ты ждёшь?

Ещё бы день, подумал Готье, ещё бы один день.

Аббат встал, стряхнул с колен прилипшие соломинки и перекрестился. В последнее время ему стало тяжело молиться на ночь: суставы были уже не те, и влага с каменных плит и ночной холод проникали, казалось до мозга костей. Время не щадило его. Он вздохнул и бережно сложил свою псалтырь, маленькое чудо, сотворённое монастырским переписчиком. Мон-Фруа был делом всей его жизни, и, хотя иногда он скучал по солнцу иных земель, за стенами монастыря жизнь его текла счастливо. Он взглянул на кольцо, которое Аэлис Сент-Нуарская поцеловала, произнеся свою клятву.

– Рауль, – в голосе аббата слышалась печаль, – похоже, нам придётся покинуть этот замок раньше, чем предполагалось.

Новиций, встревоженный, поднял голову.

– Вы хотите сказать, что наша миссия завершена?

– Нет. Она едва начата.

– То есть...

– Собирай травы, Рауль. И отопри сундук с оружием. Оно нам пригодится.

Аэлис проснулась от непривычного стука шагов замковой стражи. В Сент-Нуаре единственный солдат обходил все узкие коридоры с зажжённым факелом и с коротким мечом на перевязи, и этого было достаточно, чтобы хранить покой внутри стен замка. За внешними зубцами стен – другое дело. Там отряды из двоих-четверых воинов всматривались в ночной горизонт, следя за любым движением со стороны леса или деревни. Поэтому, когда Аэлис услышала голоса у своей двери, она машинально оглянулась в поисках предмета, которым можно было бы воспользоваться как оружием: погасший факел, старый кувшин, даже небольшой сундук сгодился бы для того, чтобы швырнуть его в нападавших. В этом каменном мешке не было почти ничего. Кровать, на которой она спала, и деревянный стул, для неё неподъёмный. В углу стоял чёрный сундук, огромный, как надгробие. Она встала и попыталась открыть его. Безрезультатно. Крышка оказалась тяжёлой, как камень. Девушка прошла по комнате, расстроенная. Помещение напоминало скорее не спальню для гостей, а мрачную келью, намёк на её будущее, не зависимо от того, останется ли она в Суйере или уйдёт в монастырь. Аэлис на цыпочках подошла к двери и прислушалась к громким голосам, доносившимся с той стороны. Она задержала дыхание, и только тогда расслышала голос Озера, отвечавшего на вопросы стражников. Когда они отошли, Аэлис тихонько постучала в дверь.

– Озэр! Озэр! – шепнула она.

Несколько мгновений ей казалось, что она так и не дожждётся ответа, и наконец:

– Госпожа, с вами всё в порядке?

– Да, да. Откройте, пожалуйста, дверь, – попросила Аэлис.

– Она не заперта. – Лицо Озера показалось в полуоткрытой двери. – Что-нибудь стряслось? Позвать кого-нибудь из служанок?

– Нет.

Последовало долгое молчание. Озэр огляделся по сторонам. Стражники в любую минуту могли вернуться, и не стоило им видеть, что он суёт голову в спальню суженой господина. Забеспокоившись, он собрался было отойти и закрыть дверь. Аэлис воскликнула:

– Нет! Озэр... – пробормотала она почти без сил. – Мне очень страшно. Не оставляйте меня одну. Прошу вас.

– Вы не одна, госпожа, – ответил Озэр мягко. – Я буду охранять вашу дверь всю ночь, а Луи дежурит во дворе под окном. Ваш отец – в спальне, что в конце коридора. Вам ничто не угрожает, поверьте.

– Мне бы вашу уверенность. – Аэлис опустила голову и, когда вновь подняла глаза на Озера, он всё ещё стоял перед ней в ожидании. Она заговорила, не задумываясь, будто слова обжигали ей губы: – Войдите, прошу вас. Охраняйте мой сон. Возможно, не скоро мне придётся опять насладиться покоем.

И, не ожидая его ответа, она подошла к кровати, легла и отвернулась к стене. Через мгновение она услышала звук закрывающейся за Озером двери и шаги рыцаря. Он подошёл к деревянному стулу, оставил на нём кинжал и вещи, а сам лёг на пол. Между кроватью и своим плащом Озэр положил меч и закинул руки за голову, подложив ладони под затылок. На чёрном небе сверкали звёзды, луна изливала бледный свет, то и дело прячась за грозowymi тучами. Аэлис пробормотала:

– Спасибо, рыцарь. – Немного помолчав, она робко добавила: – Если бы у меня с собой были шахматы, я бы предложила вам партию по старой дружбе.

Ей показалось, что Озэр в темноте улыбнулся.

– Я с вами давно не играю, госпожа. Вы слишком многому научились, так что я рискую проиграть.

– Вы всегда говорили, что я должна сохранять хладнокровие и рассчитывать ходы заранее, – продолжала Аэлис.

– А вы меня никогда не слушались. Удивительно, что вы ещё помните мои уроки. – Озэр повернул голову и увидел черные волосы девушки, струящиеся по её спине. Её плечи вздрагивали. Она рыдала. – Госпожа!

– Я хорошо помню те дни, рыцарь. И никогда не забуду вашей заботы. Это были трудные времена. Только что уехала моя мать... – фраза потонула в рыданиях.

– Я знаю, – тихо произнёс Озэр.

– Мне так её недостаёт. Я бы хотела просить у неё помощи, хотела бы услышать её добрый совет. Вымолить у неё прощение за все грехи, – воскликнула Аэлис в отчаянии.

Озэр привстал и посмотрел на неё, заинтригованный.

– Грехи, говорите вы? – Его голос стал глуше. В комнате совсем стемнело. Луна скрылась, и в окно не проникало ни лучика света, слышны были только два голоса в темноте.

– Скоро меня будут судить и вынесут вердикт. Мне это не важно. Я соглашусь с любым решением судьи, я знаю, что душа моя черна перед очами Господа, – произнесла Аэлис очень серьёзно.

– Уж лучше ничего не говорить, чем говорить загадками. Вы пугаете меня, госпожа, – предостерёг её Озэр.

Аэлис горько усмехнулась.

– А вы, напротив, льстите мне. Эти времена созданы для вас и для вашего меча. Вам нечего бояться, пока он вам верен, пока он с вами, как сейчас. Но нет меча, что защитил бы меня. Я не могу просить о поединке, чтобы разрешить спор с врагами, тогда как они имеют право пытаться меня раскалённым железом, чтобы проверить, правду ли я говорю. Но что значит боль, которую могут причинить мне пытки! – щёки Аэлис зарделись от волнения, пряди волос падали в беспорядке на лицо. – Я знаю правду: слова мои – трусливая ложь. Моя единственная защита – я сама. Единственная фигура на моей половине шахматной доски – королева без земель и солдат, и я буду защищать её из последних сил, всеми средствами, которые Господь дал мне, сотворив меня. И если, чтобы выжить, придётся осквернить рот лжесвидетельством, я принесу ложную клятву. Я признаюсь вам, что согрешила, потому что осознаю, что поступила плохо, да ещё и упорствую в своём заблуждении.

– Сколько огня в ваших словах и в вашей крови, – воскликнул Озэр, восхищённый помимо воли. – Отец гордился бы вами.

– Отец сейчас – мой главный враг, – ответила она в ярости.

– Это не так. Он делает для вас всё что умеет и может.

– Отцовская любовь сведёт меня в могилу заживо! – прошептала Аэлис. Ей нужны были слова поддержки. Она с мольбой подняла глаза. – Благословите меня, Озэр. Скажите мне, что понимаете, отчего я тоскую, и что не осуждаете мою ложь.

– Я не монах и в благословениях ничего не смыслю, – ответил он тихим голосом.

– Тогда как друг, если вы меня хоть чуть-чуть цените, – медленно проговорила Аэлис.

– Вы заблуждаетесь, госпожа, – решительно ответил Озэр. Аэлис разочарованно взглянула на него. Он добавил хриплым голосом: – Я высоко ценю вас.

Но я обязан хранить верность сеньору Сент-Нуара, давшему мне приют, коня и жалованье, когда у меня и плохонького меча не было, чтобы прокормить себя.

– Вы считаете, что я должна уступить воле отца? – голос девушки, казалось, доносится издали, как будто она поставила жизнь на карту, и что это будет за карта, зависело от слов Озэра.

Он медлил с ответом, но потом произнёс серьёзно:

– Я верю в повиновение и верность.

Глубокое молчание воцарилось в комнате надолго. Озэр думал, что Аэлис уснула, сражённая усталостью после бурного дня. Он понял, что это не так, когда через некоторое время услышал вопрос, грустный и насмешливый:

– Так нет мне пощады, капитан?

Прежде, чем ответить, Озэр услышал скрип в углу, где стоял чёрный сундук. Рыцарь вскочил с быстротою молнии и откинул крышку, держа меч наготове. Он не увидел дна: под полом был прорыт туннель, выход из которого маскировал сундук. Вверх по лестнице поднялся монах в чёрном облачении с тонзурой в клюнийском стиле, увидев рыцаря, он вытаращил глаза от изумления, как будто не ожидал никого увидеть в конце туннеля.

– Иисус, Мария и Иосиф! – воскликнул Озэр как раз перед тем, как монах бросился на него с кинжалом, спрятанным под наплечником. Клинок задел руку рыцаря, но не ранил. Не раздумывая, Озэр взмахнул мечом и вонзил его в руку нападавшего. Монах истошно завопил:

– Стража, сюда! Ко мне! К Готье Суйерскому!

Глава четвертая

И тут отверзлись врата ада. Озэр отбился от раненого в руку монаха, который, забыв о ране, пытался пронзить его кинжалом в сердце. Аэлис бросилась к окну с криком:

– Луи Л'Аршёвек! За Сент-Нуар! Нас атакуют!

Озэр отбросил нападавшего, на этот раз ударив его в бок клинком плашмя, тот застонал от боли. Рыцарь пока старался не наносить монаху тяжёлых ран, но берёгся и сам. Однако кто бы мог подумать, что в тщедушном теле Готье Суйерского таится столько ярости? Казалось, гнев придал ему сил.

– Мужчина ночью в спальне – странная компания для девственницы! – крикнул он.

– Не в каждой спальне из-под земли являются монахи с кинжалами! – ответил Озэр, приседая, чтобы увернуться от клинка, метившего в горло.

Суйер весь сморщился и выгнулся дугой, уклоняясь от меча Озэра. Пожирая взглядом дрожащую фигурку, не отходящую от окна, он воскликнул:

– Не бойтесь, мы уж сделаем из неё порядочную женщину... У, пёс проклятый!

Луи Л'Аршёвек появился в окне и, кинувшись на Суйера, пронзил его клинком, шепнув на ухо:

– Куда простому монаху тягаться с ариепископом, глупец!

Одно нескончаемое мгновение Аэлис казалось, что Суйер умрёт на месте: кровь хлестала из его груди, как будто клинок пронзил ему сердце. Но когда Л'Аршёвек извлёк кинжал, она увидела, что удар пришёлся немного выше, в плечо, и, хотя Суйер морщился от боли, рана была неглубока.

– Да ты мясник, – заявил Озэр, притворяясь рассерженным.

– Я тоже рад видеть тебя целым и невредимым, – воскликнул Луи со смехом.

– Пока все мы живы, надо бы убраться отсюда, а то того и гляди...

В это мгновение дверь в комнату распахнулась, и в неё ввалились четверо стражников, вооружённых булавами, в шлемах, прикрывающих лицо, и одетых в пластинчатые бригадины и кожаные камзолы. При виде сцены, представшей их глазам, они замерли в зловещем молчании, ожидая приказов господина. Старый Ришер Суйерский протиснулся между ними, растолкав их своим посохом, и устоял на простёртого на полу сына.

– Идиот! – сказал он только, затем холодным взглядом обвёл троих сент-нуарцев и приказал: – Чтобы на ней – ни царапинки. Остальных – убить.

Четверо солдат с рёвом бросились на двоих рыцарей. Озэр вонзил меч в шею одного, и Луи тут же отобрал у него булаву и изо всех сил огрел ею по голове второго, но сам вдруг издал вопль, и Аэлис тоже вскрикнула: третий стражник сумел задеть Луи мечом, и сквозь его красный бархатный камзол из раны, длинной, как след от хлыста, засочилась кровь. Озэр, тяжело дыша, обрушил булаву на головы двух оставшихся солдат. Он подтолкнул друга к окну, пока тот был ещё в сознании, поднял меч, встав между бежавшими на помощь товарищам стражниками и Аэлис с Луи и прошептал сквозь зубы:

– По моему знаку прыгайте в окно и постарайтесь не свернуть себе шею!

– Нет! – воскликнула Аэлис, нахмурившись. – Я вас не оставлю.

– Вот адское отродье! – выругался Озэр. – Нашла время спорить! Раз драться не умеете, учились бы молчать. Делайте, что я говорю!

Зловещий звук прервал их спор. Внезапно один из солдат упал, обезглавленный. Из его горла хлестала кровь, заливая пол, на котором всё ещё валялся Готье. Ришер с трудом остановил своего солдата, собравшегося кинуться на новicia.

– Клянусь бородой святого Павла! – слабым голосом пробормотал Л'Аршёвек. – У меня видения.

Я вижу воина там, где раньше стоял сундук, и готов поклясться, что это наш учёный травник. Этот вооружённый призрак действительно Рауль?

– Ты не ошибся, Луи. Но для расспросов времени нет. Прыгай! – сказал Озэр, подсаживая товарища на подоконник.

Л'Аршёвек взобрался на него из последних сил и тяжело рухнул наружу, рассудив, что упав с пятнадцати пье высоты, может сломать руку, но вряд ли покалечится более серьёзно. Он приземлился на бок и ушибся, но выжил. Сдавленный вскрик – и вот рядом с ним Аэлис, она приземлилась стоя и тут же подняла глаза к окну. Несколько мгновений не было слышно ничего, и девушка посмотрела на Луи умоляющим взглядом. Тот пробормотал:

– Mon comraign скоро к нам присоединится.

– Молю, чтобы Господь тебя услышал, Луи, – тихо проговорила Аэлис. Несколько бесконечных мгновений, спрятавшись в тёмном углу двора, Аэлис и Л'Аршёвек ждали затаив дыхание. Вдруг послышался мерный стук копыт: приближалась группа всадников. Аэлис вцепилась в раненого Л'Аршёвека, но тот едва дышал. Он вынул кинжал и, не говоря ни слова, отдал его Аэлис. Наконец всадники оказались перед ними; Аэлис не могла различить их лиц, но тот, что скакал впереди, был одет в цвета Суйеров. Воздух вокруг беглецов стал неподъёмным и вязким, как будто неизбежность всей своей тяжестью обрушилась на них. Аэлис, забыв препоручить себя Святой Деве, стиснула в кулаке рукоять кинжала. Глаза она опустила, чтобы не выдать своего присутствия испуганным блеском глаз. Копыта вороного уже топтали подол её рубашки. Она посмотрела вверх и обнажила клинок, который передал ей Л'Аршёвек. За её спиной прозвучал насмешливый голос раненого:

– Озэр, ей богу, ты стареешь. Десять лет назад ты бы не заставил ждать себя так долго.

Всадник, сидевший на вороном коне, наклонился вперёд, опираясь кулаками на шею лошади, и Аэлис убедилась, что Озэр был, помимо прочего, ранен в лицо и шею, так что волосы его стали красными, и одежда пропиталась кровью. Смотрел он так мрачно, что сердце Аэлис сжалось. Она взглянула на остальных всадников и по настороженным голубым глазам узнала аббата Гюга и его молодого новicia, только теперь он больше походил на воина и сжимал в руке длинный меч, с которого капала кровь. Он вёл в поводу ещё двух коней, и поперёк седла одного из них лежало недвижимое тело. Аэлис зажала рот рукой, чтобы не закричать, узнав отца. Озэр спешил и сжал её руку.

– Он жив, но мы ещё в опасности. Соберитесь с силами. Мне понадобится ваша помощь и помощь Луи.

Аэлис кивнула, проглотив слёзы, подступившие к глазам, и вместе с Озэром дотасила кое-как раненого рыцаря до коня, на котором лежал её отец. Л'Аршёвек, то теряя сознание, то приходя в себя, сумел взобраться в седло.

– Аэлис, сядьте позади аббата Гюга. Накройтесь вот этим плащом. – Девушка, вся дрожа, взяла из его рук попону из грубой коричневой шерсти. Озэр пристально посмотрел на неё и добавил, обращаясь к остальным: – Мы должны как можно скорее добраться до леса.

– Вы с ума сошли! – воскликнул новicia недоверчиво. – Как вы собираетесь выбраться из замка? Неужели надеетесь, что перед вами распахнут ворота?

– Вам ли, мудрый травник, – ответил Озэр, с иронией глядя на окровавленный меч Рауля, – вам ли, внезапно превратившемуся из монаха в воина, сомневаться в том, что чудеса возможны? Следуйте за мной и рот на замок.

Всадники, во главе с Озэром, осторожно двинулись вперёд через двор. Вторым, сжав губы, ехал аббат Гюг с каменным лицом. Поводья он держал одной рукой, другая же покоилась на рукояти меча, спрятанного под сутаной. Аэлис, сидя верхом по-мужски, обхватив старого монаха за пояс, поджимала слишком явно белеющие в темноте ноги: плащ оказался коротковат. К счастью, под капюшоном было не разобрать, женщина она или мужчина. Новicia привязал к своему седлу поводья коня Л'Аршёвека, старавшегося из последних сил держаться прямо;

почти безжизненные руки Сент-Нуара при каждом шаге ударяли коня по рёбрам. Слуги, жившие в замке, без сомнения встревоженные криками и звуками битвы, бросились на помощь своему господину, в двери кладовой и кухни высовывали носы только несколько малышей, детей прислуги. Их серьёзные глазёнки молча следили за передвижением всадников и с любопытством поглядывали на недвижимое тело, свисавшее с седла коня, замыкавшего процессию. Увидев двор в первый раз, Аэлис подумала, что он раза в три больше, чем в Сент-Нуаре, но теперь, под оглушительный топот стражников, бегущих вдоль бойниц по стене замка, и видя, какой медленной, почти торжественной поступью движется Озэр, она решила, что это не двор, а безбрежная пустыня. Капитан гвардейцев Сент-Нуара проследовал к огромным воротам, в которые они въехали меньше суток назад. Двое стражников, обычно гревшихся по ночам у костра, на этот раз стояли, загораживая ворота и выставив копья. Тот, что был выше ростом, при виде кавалькады крикнул:

– Ни с места! Нынче ночь не для прогулок. В замке предатели, и приказано никого не выпускать без разрешения господина Суйера.

– Ну так и следуй приказу, но к нашему делу он не имеет никакого отношения, – отрезал Озэр. – Мы везём к лекарю раненого, с каждой минутой кровь его становится всё более мутной. Отвори ворота!

Стражник хмуро разглядывал ряд фигур, выстроившихся перед ним. Он презрительно сплюнул на землю, прежде чем ответить:

– Тот, кого вы везёте, скорее нуждается в святом причастии, чем в услугах травника. И здесь в замке есть отличные камины, у которых его можно было бы уложить. Мне нужны более веские причины, чтобы пропустить вас, – и он сжал зубы, а товарищ его обнажил меч.

Озэр рассмеялся, и на мгновение Аэлис показалось, что он сошёл с ума. Спина аббата стала прямой и жёсткой, как доска, новиций дышал едва ли не громче, чем сопел его конь.

– Добрый стражник, вы хоть и глупец, да верный слуга своего господина! Поцелуйте его кольцо и пропустите меня в конце концов. Я должен как можно скорее вернуть фамильную печать, а то сеньор Суйер не сможет ни продать ничего, ни купить, ни подарить, и вот тогда-то вы узнаете, что такое гнев истинного воина! – с этими словами он небрежным жестом протянул руку, и на ней блеснуло золотое кольцо с печатью дома Суйеров: стоящий воин, вонзивший в землю меч.

Детина уставился на драгоценность, выпучив глаза, и, глотая слюну, склонился для поцелуя. Тем временем его товарищ поспешил распахнуть ворота, подавшиеся со стариковским кряхтением, и пробормотал:

– Вы уж простите, господин. Времена смутные... Бандиты не дремлют...

– Так и есть, друг мой, но с такими сторожами, как вы, этому замку ничто не грозит, – воскликнул Озэр, пришпоривая коня и проезжая в ворота. За ним последовали аббат, новиций и Л'Аршёвек.

Они скакали всю ночь без остановки в крошечной тьме, положившись на инстинкт лошадей, и ориентируясь по воспоминаниям. В конце концов, когда тьма по одну сторону от дороги стала совсем уж непроницаемой, Озэр понял, что они достигли леса. От остановил коня и крикнул:

– Привал! Всем к лесу!

Лошади поднялись по пологому склону в чащу, и тут всадники спешили, привязав лошадей к высоким стволам. Озэр утер лицо свежей листвой. Влага, скопившаяся на них, смыла засохшую кровь с его неглубоких ран, но он знал, что ему надо как можно скорее обратиться за помощью, хотя уже перестал ощущать боль от более глубоких. Аббат Гюг помог спешиться Аэлис, а брат травник занялся ранеными, стараясь очистить их раны как можно лучше. Аэлис встала на колени рядом с отцом и взяла его за обе руки. Они были холодны. Лицо чело-

века, которому она всего несколько часов назад бросила вызов, сейчас было бледным и безжизненным. Из его шеи и груди по рваной рубахе, поблёскивая, струилась алая кровь, и только поэтому Аэлис поняла, что он ещё жив. Она склонилась и, рыдая, обняла его.

Аббат Гюг отвёл взгляд от этой сцены и посмотрел на Озэра, прислонившегося к дереву, прикрыв глаза, как будто в дрёме.

– Побег организован блестяще, капитан.

– Спасибо, – процедил Озэр сквозь зубы, не пошевелившись.

– Вам, должно быть, пришлось приложить все силы, чтобы убедить сеньора Суйера одолжить вам кольцо, – бросил аббат небрежно.

Озэр открыл глаза, глянул на аббата и ответил с иронической гримасой:

– К сожалению, помешала спешка, – и добавил: – Старик упрям, так что встал между моим мечом и кольцом.

– Ради святого Бернарда! Уж не убили ли вы главу дома Суйеров... – воскликнул аббат в ужасе. При столь хрупком и неустойчивом мире в графстве его жителям только и не хватало, чтобы на них обрушился гнев покровителя Суйеров, Ротру Першского. Аббат облегчённо вздохнул, когда Озэр отрицательно покачал головой.

– Лишившись руки, люди обычно выживают... если рана быстро затягивается, конечно, – сказал Озэр, не сводя глаз с Сент-Нуара. Аббат перевёл дух. Рука – это тоже немало, но Суйер мог согласиться забыть об этом, если бы получил обещанное и какую-нибудь мельницу впридачу. Монах вздохнул и, скорее по привычке, перекрестился.

Новиций подошёл к нему, вытирая руки куском полотна, пропитанным кровью.

– Оба могут выдержать переезд; Сент-Нуар куда более плох, но он сильный. Однако отправляться в путь надо сейчас же.

Озэр кивнул и, стараясь не глядеть на Аэлис, произнёс:

– Лучше нам разделиться. Мы повезём домой Филиппа Сент-Нуарского. А вам, аббат, и Раулю надо возвращаться в Мон-Фруа. Сопровождать вас мы не сможем. Вы ведь понимаете, аббат?

– Разумеется, – ответил Гюг.

– А девушка отправится с вами, – добавил Озэр. – Ей сейчас лучше находиться под защитой монастыря.

Аэлис бросила на него мрачный взгляд и, гордо шагнув к капитану и аббату, заговорила:

– Погодите! Вы слишком поторопились, принимая решения за меня. Никто не может помешать мне остаться с отцом.

Мужчины переглянулись. Аббат откашлялся, а Озэр ответил:

– Я догадывался, что вы не захотите оставить отца.

– Что делает честь вашему уму. – Так что же? – отозвалась Аэлис.

– Сожалею.

– О чём?

Здоровой рукой Озэр дал девушке хорошую затрещину, и она упала, как подкошенная. Сзади раздался слабый смешок.

– Твои отношения с малышкой развиваются стремительно, *companion*.

Озэр не прореагировал ни на шутку Л'Аршёвека, ни на красноречивый взгляд шокированного новиция. Аббат Гюг, напротив, даже глазом не моргнул. К нему и обратился Озэр:

– Сент-Нуар будет щедр к Мон-Фруа, если вы позаботитесь о его дочери.

– Сын мой, у служителей Церкви всегда найдётся приют для обойдённых Фортуной. Не стоит... – и он махнул рукой.

Озэр усмехнулся:

– Я и не говорил, что стоит. Но обещаю, что так и будет. А если вы не выполните вашего долга ... – он взглянул на аббата, синие глаза которого сверкнули в темноте, как льдинки. – Ныне вы служитель церкви, а прежде служили мечу. Слова излишни.

Камин пылал, пожирая поленья из древесины каменного дуба, которые слуга то и дело подбрасывал в огонь. В ржавом котле кипела вода. Дымились два котелка поменьше, подвешенные на одном крюке, запах ромашкового отвара и отвара из успокаивающих трав наполнял большой зал замка Суйеров. Испуганная служанка в который раз прополаскивала окровавленные тряпки, а потный кузнец, держа наготове раскалённый металл, молча ждал приказов аптекаря Ранульда. От воплей Ришера Суйерского можно было оглохнуть.

– Отец, если вам не жаль моих ушей, то хоть ради чести нашего имени, держите себя в руках! – вскричал Готье в раздражении.

Он бросил мутный взгляд на аптекаря, продолжавшего прижимать зеленоватый пластырь к порезу, оставленному мечом Озэра на его плече. Клирик не мог шевельнуть рукой, острая боль не давала забыть о том, кто нанёс эту рану. Отцу пришлось, однако, ещё хуже. С едва скрываемым презрением сын слушал стоны и крики старика, чья правая кисть ещё валялась в луже крови у дверей зала, там, где Озэр с боем прорывался к раненому Сент-Нуару, боясь, что того прикончат. План провалился: не удалось ни лишить жизни Филиппа Сент-Нуарского, ни захватить его единственную дочь. Готье закрыл глаза, припоминая, как всё было. Капитан самоотверженно защищал своего господина, шут, дравшийся с ним бок о бок, тоже был на высоте. И этот бешеный новиций, разящий мечом не хуже тамплиера, оказался неприятным сюрпризом, картой, припрятанной в рукаве проклятого аббата. Все ещё заплатят за своё предательство, придёт время. Он плюнул:

– Уберите эту грязь! – и указал на отрубленную руку. Ришер Суйерский завопил вдвое громче, когда аптекарь приказал кузнецу снова прижечь рану калёным железом. Отвратительная вонь горелого мяса смешалась с запахом отваров. Пот струился по лицу старика, перекошенного больше обычного. Он был мертвенно бледен. По его знаку служанка поднесла бокал вина к его губам. Вино потекло ему в горло, но часть пролилась на пол.

– Идиоты. Вы все идиоты, – пробормотал Ришер. Казалось, он вот-вот потеряет сознание, но сила его желчной крови не дала ему этого сделать. – Тебе всего и надо было, что справиться с девчонкой. С девчонкой! Сразу видно, что ты в жизни не держал в руках меча.

– С девчонкой в комнате был Озэр! Эта сучка якобы давшая обет Христу оставаться непорочной, уже нашла того, кто согреет её ложе, даже прежде чем вы успели повести её к алтарю, – злобно прошипел Готье.

Он не знал, был ли темперамент девушки причиной присутствия Озэра в спальне, или тот выполнял приказ господина, охраняя свою подопечную, но ему нравилось терзать отца обидными речами. Если бы не рана, он сам прижигал бы калёным железом руку Ришера Суйерского. Старик запрокинул голову, и на мгновение все в зале замерли, будто дожидаясь безвременной кончины хозяина. В конце концов от открыл маленькие глазки и знаком попросил ещё вина. Готье вскочил: тревога не давала ему усидеть на месте. Уходило драгоценное время. Все слуги и воины замка чувствовали, что старик Суйер долго не протянет. И, как и они, все стервятники графства уже получили весть через своих шпионов. Может быть, в этом самом зале они и соберутся, чтобы решить, как отобрать у него то, что всегда ему принадлежало. Надо было обезопасить себя. В присутствии свидетелей, и чтобы комар носа не подточил. Смягчив выражение лица, он обратился к отцу:

– Воистину в нашем роду у всех горячая кровь! У нас у обоих тяжёлые раны, и оба мы должны за многое отомстить... И вместо того, чтобы решить, как действовать, мы теряем время на ругань. – Готье проследил за тем, какое действие оказали на отца его слова. Тот наострил слух, пробормотав что-то одобрительное. Старик ждал. Готье продолжил: – Несколько дней

назад нас оглушила весть о гибели Жилия. Я единственный сын, оставшийся у вас, отец. Я в вашем распоряжении и перед всеми, живущими в замке, готов повторить эту клятву: я не оставлю оскорбления безнаказанным, во имя и ради чести нашего рода.

Он тяжело опустился на колени перед стариком, который не сводил с него глаз, выпрямившись в кресле. Готье осторожно взял искалеченную руку отца и изобразил, что целует культю, не касаясь её губами. Когда он поднял глаза, Ришер откашливался в платок, и Готье успел заметить кровь в мокроте. Он опустил голову, чтобы скрыть ликующую улыбку. Ждать придётся недолго. Теперь осталось только услышать ответ старика. Когда Готье вставал, кузнец поспешил ему на помощь, а аптекарь осмотрел его рану, чтобы убедиться, что она не открылась. Он слегка кивнул в знак благодарности. В конце концов, прислуга первой поняла, что власть меняется, и спешит встать на его сторону, подставляя паруса новому ветру.

Ришер Суйерский тоже когда-то знал толк в ловле попутного ветра. Он больше страдал не от того, что потерял руку, а от того, что означала эта рана: открытое столкновение с Сент-Нуаром началось с его поражения. Будь он лет на двадцать моложе, скакал бы уже, сжимая рукоять меча, чтобы с боем вернуть обещанное ему: девушку и земли, которые давались за неё в приданое – и доказать капитану Озеру, что тоже умеет владеть закалённым клинком. Служанка подала ему ещё вина, жгучего, как боль в руке. Он вздохнул. Оставалось утешаться вином: моложе на двадцать лет не стать, а единственный сын – мастак бормотать молитвы за колоннами епископского дворца и договариваться о цене со строителями соборов и торговцами пшеницей. Он прищёлкнул языком. Нельзя допустить, чтобы святоша без труда вновь стал полноценным Суйером. Руку он, может, и потерял, но рассудка не лишился.

– Сын мой, – сказал он Готье, внимавшему со смесью предупредительности и обожания на лице. – Сын мой, – повторил он, – ты вернулся ко мне в миг позора. Я был горд, что архиепископ оказал тебе доверие и поручил вести счета, но не стану отрицать, что без тебя в замке образовалась пустота, которую Жиль не сумел заполнить.

«Да потому что погиб! Треклятый старикашка, – с ненавистью произнёс про себя Готье, – ты ведь намекаешь на то, что, будь он жив, мне в нашей мерзкой семейке рассчитывать было бы не на что». Однако он овладел собой и продолжал прямо смотреть в глаза старику. Очередное унижение – цена, которую придётся заплатить за то, чтобы услышать остальное. Ришер тоже это знал.

– Благодарю тебя за клятву и надеюсь, что ты с честью исполнишь её, хотя она и уведёт тебя с пути служителя Господня, которую ты выбрал несколько лет назад. Я поговорю с епископом. Во-первых, не стану требовать назад того вклада, который сделал, когда ты ушёл в монастырь, и распоряжусь, чтобы Церковь получала половину арендной платы за буковый лес в качестве компенсации за потерю тебя. – Он помолчал. Надо было перевести дух. – Поручаю тебе вернуть похищенную печать Суйеров, привезти её мне и положить к моим ногам. Также ты должен привезти назад мою суженую, Аэлис Сент-Нуарскую, и меч, которым было совершено преступление: меч капитана Озера. Когда эти три дара будут передо мной, и не раньше, ты получишь печать и станешь властителем замка Суйер.

Ришер машинально встал, опираясь на жуткую культю, забыв о боли, и вид стоящего старика, превратившего искалеченную руку в опору, производил сильное впечатление. Аптекарь сглотнул, служанка перекрестилась, а кузнец пал на колени. Готье, к досаде своей, не мог не восхититься: у старика был кураж. Он быстро обдумал ситуацию. Для него она была не так уж плоха. Вожделенного наследства, как это ни печально, можно было добиться, только выполнив три взаимосвязанных условия, что, возможно, было связано с риском, но он верил, что при поддержке достаточно многочисленного вооружённого отряда сможет сломить сопротивление крохотного гарнизона Сент-Нуара и забрать то, что требуется. Позднее можно будет решить, что из этого вручить отцу, а что оставить себе. К тому же, вполне вероятно, что старый Филипп уже скончался, и замок без хозяина сдастся на милость завоевателя. На его лице

появилась довольная улыбка. В первую очередь надо распространить весть о том, что он собирается преследовать Сент-Нуара, чтобы все знали: кто не с Суйером, тот против него. А потом обрушиться на Сент-Нуар и захватить эту «вечную девственницу». Он подал знак служанке и вскоре рыцарь Ги уже стоял перед ним в ожидании распоряжений.

– Скачи немедленно в замок Ножен-ле-Ротру. Граф должен узнать о том, что произошло.

Ей снилось, будто она бежит по соляной равнине, лежащей на пути в замок Суйер, изо всех сил спасаясь от толпы всадников в капюшонах, звонящих в колокольчики, какие положено носить прокажённым, и колотящих в бока лошадям белыми, изъеденными болезнью ногами. От холода кожа её покрылась мурашками, во рту пересохло. Когда она открыла глаза, то увидела сводчатый белокаменный потолок кельи. Сквозь узкое длинное окно лился утренний свет, и она поняла, что находится в Мон-Фруа. Снова ей пришлось подчиниться чужой воле. Аэлис зевнула, протёрла глаза. Она лежала на тюфяке из некрашенной шерстяной ткани, набитом соломой. Кто-то снял с её ног ботинки и аккуратно поставил их у двери. Она привстала, огляделась и подумала: по крайней мере от Суйерского кошмара её отделяют многие лье. И, возможно, лучше укрыться за стенами цистерцианского монастыря, где её никто не будет искать хотя бы пару дней, а за это время она успеет прийти в себя, набраться сил и отправиться домой, в Сент-Нуар. Ей не хотелось признавать правоту Озэра, хотя она чувствовала, что побуждения у него были самые благие. Более того, это был умный тактический ход: беглецам лучше разделиться, чтобы сбить преследователей с толку. Бросить её в пути, чтобы спасти господина. Воспоминание об отце, истекающем кровью, заставило её содрогнуться, и она вскочила с лежанки. Надо было узнать, как он, поговорить с аббатом. Она умылась водой из глиняной миски, стоявшей рядом с ботинками. Причесалась, как могла, поправила цепочку на талии и толкнула тяжёлую дубовую дверь. Оглядевшись, в одном из концов длинного коридора она обнаружила широкую лестницу. Спустилась, ища выхода во внутренний двор, с которого можно было бы разглядеть покои аббата, но вместо этого оказалась под прицелом нескольких пар удивлённых глаз. Запах малахитовых чернил, шафрана и других трав, варящихся на огне калефактория, не давал дышать. Перевести дух можно было разве что около больших окон (без стёкол, разумеется), освещавших рабочие места переписчиков. Она находилась в скриптории, и монахам, разумеется, непривычно было видеть юную деву, расхаживающую между их драгоценных манускриптов. Аэлис смотрела на них, не зная, что сказать. Её желудок, лишённый пищи с прошлого вечера, решил самостоятельно высказаться, и громкое бурчание раздалось под сводами зала. Монахов такое явное проявление человеческой слабости заставило залиться краской, а двое самых старых постарались спрятать улыбку. Лицо Аэлис тоже стало малиновым. В таком положении их застал Рауль.

– Госпожа, я могу проводить вас в столовую мирских братьев, – тихо пробормотал он за её спиной.

– Спасибо, – благоразумно ответила она.

Уничтожив большой ломоть хлеба, пропитанного мёдом и кружку козьего молока, Аэлис обрела голос:

– Чем закончилось путешествие? Я ведь почти ничего не помню, – усмехнулась она.

Монах посмотрел на неё искоса, как будто боясь, что её белая кожа произведёт на него слишком сильное впечатление.

– Мы погрузили вас на моего коня, после того как вы... ослабели. Потом скакали без остановки, пока не прибыли в монастырь. Аббат велел мне стеречь вас, пока он не сможет с вами поговорить. Он занят делами Мон-Фруа; здесь ничего не делается без его советов и указаний.

Аэлис смотрела на новicia. Он только что произнёс самую длинную фразу, которую она от него слышала за всё время знакомства. Она с любопытством рассматривала ссадины на его

лице, следы вчерашней стычки, и спрашивала себя, что заставило его прийти к ним на помощь. Но прежде – самое главное.

– Как себя чувствовал мой отец? Вы сказали, он выживет.

– Вчера он ещё был жив, хотя едва дышал. Всё зависит от того, насколько быстро его привезли в Сент-Нуар и хорошо ли там о нём заботятся.

– В том, что привезли его быстро, мы можем не сомневаться. Озэр, если надо, пролетит над горами, – воскликнула Аэлис, не задумываясь. Она сама удивилась собственной уверенности, но у неё не возникало ни малейшего сомнения, что так и будет.

Лицо Рауля окаменело. Он сказал:

– Вы забыли, что капитан Озэр везёт раненых, и, как бы ему ни хотелось взлететь, у него камень на шее. Мы договорились, что, как только они прибудут, пришлют нам весточку.

Их разговор был прерван появлением двоих мирских братьев, возвращавшихся с реки и из ближайших мастерских. Они несли овечьи кожи, ещё пахнущие известью, готовые для раскроя, чтобы стать страницами новых манускриптов, и большой тюк только что выстиранных зольным мылом ряс. На их лицах отразилось удивление, когда они увидели женщину в своей трапезной, но Рауль был одним из приближённых аббата, и мирские братья удалились, не сказав ни слова. Аэлис поняла, что её присутствие – исключительный случай в жизни монастыря, и приняла решение. Ей не хотелось чтобы из-за помощи, которую аббат оказывал отцу, у него были неприятности. Она вышла из трапезной в узкий коридор, который соединял помещения, предназначенные для мирских братьев и внутренний двор. Надо попросить у аббата коня и вернуться в Сент-Нуар одной. Рауль шёл за ней.

– Госпожа, не знаю, куда вы идёте, но аббат приказал мне следить, чтобы с вами не случилось ничего дурного. Мне было бы проще выполнять его приказ, если бы вы не покидали территории монастыря.

– Опять запреты, новиций? – отозвалась Аэлис. И пошла вдоль каменной стены по направлению к церкви.

– Просьбы. Мольбы, – поправил он её. – Просьбы людей более мудрых, чем вы. Девушка обернулась к нему, не скрывая раздражения.

– Я начинаю уставать от этой странной жизни, которую едва знаю, – воскликнула она. – Особенно, если советы мне дают те, кто прикидывается монахом днём и оказывается солдатом ночью. Вы и для этого найдёте объяснение?

– Моё послушание состоит в защите аббата, – ответил Рауль.

– Да? Но вы почему-то забыли сказать об этом с самого начала, – саркастически заметила Аэлис.

– В тот момент разумнее было промолчать, – ответил новиций, краснея.

– Вижу, что монастырская жизнь, такая непорочная и ясная, становится в некоторых случаях смутной и загадочной, если вам это в данный момент подходит, брат-воин, – сказала Аэлис. – Так почему же мне не брать с вас пример? Я хочу к отцу, и теперь, когда непосредственная опасность миновала, рассудок не советует мне оставаться.

– Рассудок редко даёт советы, дитя моё, – сказал аббат. Он неожиданно появился в дверях церкви и уже устало хромал по направлению к ним. – Он всего лишь указывает нам пути и чертит карты. Неблагодарная задача человека – решить, по которым путям идти и вступать ли на запретные.

Аэлис обернулась и бросила изучающий взгляд на аббата, фигура которого ясно очерчивалась на фоне освещённой церковной двери. Не смотря на хромоту и слабость, казалось, что душа его пребывает в полной гармонии с тихим журчанием фонтана посреди внутреннего двора, и смуглый цвет его лица сливался с цветом каменных стен. Этот человек, без сомнения, вдохнул жизнь в монастырь; она никогда не смогла бы сделать столько, ни для Бога, ни

для людей. Ей всего лишь хотелось самой выбирать свой путь, и, найдя его, возможно, так же беззаветно посвятить ему жизнь, как аббат – своему ордену. Или просто продолжать жить и искать. Она не могла отделаться от воспоминания об отце и от ощущения, что ей обязательно надо оказаться рядом с ним. Убеждённость, что её дочерний долг – следовать за отцом, придавала ей сил.

– Аббат Гюг, – сказал Рауль с облегчением, – мы вас искали.

– Вы, Рауль, возможно и искали меня, – ответил аббат добродушно, – но Аэлис из Сент-Нуара искала ворота.

– Это правда. Поймите: мой долг – быть с отцом, – ответила девушка.

– Нет, ваш долг перед самой собой оставаться живой и здоровой. И это ваш долг не только перед собой, но и перед теми, кто сражался за вашу жизнь, и один из них – ваш отец, – возразил аббат с внезапной твёрдостью в голосе. Он смягчил тон и добавил: – Ждите, пока прибудет вестник из Сент-Нуара. Прошёл уже целый день с тех пор, как мы разделились. Через несколько часов мы узнаем, стоит ли отправляться в путь...

– Узнаем, умер мой отец или нет, – взорвалась Аэлис. – Как бы то ни было, Озэр и его гвардия защитят Сент-Нуар, и там, рядом с ними, моё место. Ни одни стены не защитят меня так надёжно, как стены моего дома.

– Ах, да вы ещё под впечатлением прошлой ночи, когда всё решали звон мечей и кровь, оросившая землю, – вздохнул аббат. – Жизнь, к счастью, этим не ограничивается.

– Что вы имеете в виду? – спросила Аэлис.

– Пойдём в мои покои, дочь моя. Ваши кости моложе моих, мне надо сесть. Рауль, оставьте нас, – приказал аббат.

Существование отдельных покоев аббата свидетельствовало о том, что не вся жизнь цистерцианцев сводилась к аскезе и затворничеству, особенно, с тех пор, как труд мирских братьев превратил орден белых монахов в один из самых богатых и могущественных во Французском королевстве. Однако по-прежнему колонны внутренних дворов цистерцианских монастырей возводились прямыми и лишёнными всяческих украшений, а нефы их церквей заливал ровный прозрачный свет, не проходящий сквозь тысячи разноцветных стёклышек. Единственное место, где пробивались робкие признаки процветания, были покои, в которые вошли Аэлис и аббат, его официальная резиденция, где он принимал гостей наивысшего ранга, не привыкших к суровой монастырской дисциплине. Здесь, в скромной кладовой у аббата было достаточно вина и пищи, чтобы подкрепить силы усталого епископа или графа. Он даже мог предложить им посидеть у камина, а не у общей жаровни и поставить перед ними пюпитр, на котором они могли бы писать свои послания и приказы. Пока аббат наливал разбавленное водой вино в два деревянных бокала, Аэлис с любопытством осматривала комнату; в углу, в шкафу, укрытые хлопчатобумажным холстом, лежали книги, и было их столько, сколько она ни разу в жизни не видела. Корешки из тёмной кожи, казалось, скрывают все тайны мироздания.

Садитесь, госпожа, – сказал аббат, указывая ей на одно из деревянных кресел, стоявших у огня.

Аэлис взяла бокал из рук старца. Отблеск пламени, тепло которого было так кстати в столь ранний утренний час, падал на длинные и узкие каменные плиты пола. Аэлис решила, что лучше помолчать. Без сомнения, аббат собирался увещевать её, как это делали все, и она приготовилась выслушать его. Смирившись с неизбежным, она сделала глоток из бокала.

– Что вам известно о вашем мире, Аэлис?

Девушка удивлённо подняла взгляд. Старик стоял спиной к ней.

– Я вас не понимаю, отец.

– Я имею в виду эти земли, замки, стоящие неподалёку от Сент-Нуара, я имею в виду вашего отца и его воинственное семейство. Что вы знаете? Что он рассказывал вам? – он обер-

нул к ней и снисходительно взглянул на неё. И не ожидая ответа, продолжил: – Я угадаю. Ничего. Абсолютно ничего.

– Я знаю достаточно, – сказала Аэлис, надувшись, как маленькая девочка.

– Достаточно знаний не бывает, – ответил старик. Он серьёзно взглянул на неё, взвешивая то, что собрался сказать. Он не знал, правильно ли поступает, но ему было ясно, что воля девицы из Сент-Нуара не столь податлива, как воля других юных дев, чьё замужество означало более чем просто брак, и необходимо было убедить её. Он мысленно пожал плечами: ну не удастся, так не удастся. Всегда можно найти другой выход. Это был ещё один урок, извлечённый им из пребывания на Святой Земле.

Он заговорил, обдумывая каждое слово:

– Сент-Нуар и Суйер – владения, которые отличаются одно от другого, как день и ночь: первое богато пшеницей, водой и пастбищами, из недр второго добывают иное богатство: медь, железо и соль. Ваш отец и старик Суйер отличаются не меньше, ведь у первого есть супруга, способная дать многочисленное здоровое потомство, тогда как второй потерял любимого сына, а жены у него нет, – он помолчал, чтобы убедиться, что Аэлис слушает его со всем возможным вниманием. От упоминания о прежнем суженом глаза её наполнились влагой, но это не были слёзы тоски. Аббат продолжил: – Однако обоими владеет одна страсть: сделать свои семьи самыми могучими в графстве. Это желание до сих пор вело к постоянным стычкам между ними, к тому, что они то и дело мерялись силами, тратя свои сбережения и создавая слабое и ненадёжное равновесие. Мы в Мон-Фруа всегда с опаской следили за стычками между Сент-Нуаром и Суйером: мы боялись, что один из них наконец одолеет другого, и тогда вспыхнет огонь мести. В каком-то смысле, хорошо, что ни один не брал верх, и тем более хорошо, что, приближаясь к закату жизни, оба, Суйер и Сент-Нуар, пожелали мира. В противном случае графство Першское ждало бы печальные последствия. Ведь мир не кончается этим крохотным скромным клочком земли. Как наш орден следил за стычками между Суйером и Сент-Нуаром, так же наблюдал за ними и некто более могущественный, чем мы. Знаете, почему? – Аэлис отрицательно покачала головой. – В это странное время, в которое вам суждено жить, наш король Людовик VII существует в тени своего собственного вассала, более могучего и богатого, чем он. Я говорю об английском короле Генрихе Плантагенете. Его владения во Франции, благодаря браку с Алиенорой Аквитанской, прежней супругой Людовика существенно превосходят размерами земли, прилегающие к Иль-де-Франс. Окружённый врагами, Людовик был вынужден искать союзников, где только можно. Потому он женился на Адели, дочери могущественного графа Тибо Блуаского, и отдал ему руку своей дочери Аделаиды, тогда как другая его дочь, Мария, также прижитая с Алиенорой – жена Генриха Шампанского, брата Тибо. Понимаете?

Аэлис растерянно моргала.

– Боюсь, я не успеваю следить за ходом вашей мысли, – призналась она.

– Потому что трудно проследить за нитью паутины, – пробормотал аббат почти про себя. – Паутины, тщательно сплетённой безвластным королём, чтобы защититься от ударов тех, кто хотел бы сломить его. Так заключают мир и развязывают войны: с мечом в одной руке и брачными узами в другой. И в то же время Генрих Плантагенет тоже слаб. Разве может быть силен король, вынужденный глядеть во все глаза на четыре стороны света, чтобы убедиться, не изменили ли его вассалы? На севере – его собственная земля, Англия, но и там Шотландия и Уэльс то и дело затевают мятежи. И двух лет не прошло, как он подавил один, и, хотя его сын Иоанн Безземельный там наместник, на всю страну можно ручаться за верность королевской семье всего лишь четырёх городов. К югу – бароны его своевольной супруги; как и она сама, Аквитания не в восторге от власти Плантагенета. На западе – беспокойные бретонцы, всегда готовые воевать; а на востоке – интриги графа Фландрского, пытающегося натравить

всех остальных баронов королевства на того, кто ему не по вкусу. Нелёгкие времена и для королей, и для их вассалов.

– Но при чём тут я? – лекция аббата начинала утомлять Аэлис. – Что мне за дело до интриг сильных мира сего, когда мой отец при смерти и всего в одном дне пути отсюда? И кому дело до хозяев замков?

– Никому бы и не было дела, если бы Сент-Нуар и Суйер не граничили и с империей Плантагенета, и с землями, подчинёнными Людовику, – воскликнул Гюг Марсийский с той же страстью, с какой прежде обезглавливал неверных у врат Иерусалима. Заворожённая блеском его глаз, Аэлис взяла свой бокал обеими руками и сделала большой глоток. Аббат, казалось, не видел её. – Никому бы не было дела, если бы судьба не распорядилась так, что Сент-Нуар и Суйер без конца воевали, и эта вражда оказывалась так выгодна всем, ведь они обращались за помощью то к одной, то к другой стороне. Никому бы не было дела, если бы между двумя семьями установился длительный и прочный союз, позволявший обоим замкам жить в мире, если бы обе крепости были неприкосновенны, ворота – заперты, ведь именно эти замки контролируют въезд и выезд из Нормандии во Французское королевство и не позволяют анжуйцам и капетам атаковать друг друга через эту лазейку, это единственная земля, имеющая хозяев, которую оспаривают друг у друга уже многие годы оба короля. Никому не было бы дела, если бы господу Суйера и Сент-Нуара присматривали бы друг за другом. Никому, если бы не было безвластия, если бы никто не в состоянии был бы склонить весы в пользу одних или других. Так что до сих пор никому и не было дела до вас. Но сегодня глаза всех, кто защищает границы того и другого королевства устремлены сюда. Многие хотят, чтобы состоялась свадьба, о которой договорились Суйер и Сент-Нуар, ибо она гарантирует нейтралитет обеих семей ещё на одно поколение вперёд, и приложат всё усилия к достижению этой цели. Вы привлекли к себе внимание сильных, а это всегда рискованно.

Аэлис смотрела на него с изумлением и ужасом. Она представляла себя пешкой на шахматной доске, но ей и во сне не могло привидеться, что короли, слоны и ладьи были и в самом деле реальными фигурами, а если так, она пропала. Она постаралась унять дрожь в руках. Голос аббата едва доносился до неё.

– Дочь моя, понимаешь ли ты теперь, почему тебе лучше остаться здесь на некоторое время? В этом монастыре тебя никто не станет искать. Сент-Нуары никогда не покровительствовали нашему ордену, мало кто может вообразить, что потерянное сокровище – здесь.

У Аэлис кружилась голова, свет из окон, казалось, затопил комнату, ослепляя её. Она закрыла глаза, а когда открыла их, смуглое морщинистое лицо старика показалось ей маской.

– А вы, аббат Мон-Фруа, чего добиваетесь вы?

Монах встал. Его белое облачение казалось одним из камней в стене комнаты.

– Я? Для себя ничего, всего – для конгрегации. – Он остановился. – Вы нездоровы?

– Спать хочется... – пробормотала Аэлис – и потеряла сознание.

Толкнув входную дверь в покои аббата, Рауль увидел, что девушка лежит на полу перед камином, всё ещё с деревянным бокалом в руке. Розовое вино пролилось на её белое льняное платье. Он бросил на аббата вопросительный взгляд. Тот, сидя за столом, скреплял своей печатью какое-то послание.

– Она спит. У нас есть несколько часов, – сказал Гюг, не вдаваясь в объяснения. Новиций кивнул, почтительно опустив глаза. – Следи, чтобы никто не выходил из моих покоев и не входил в них. Никто не должен её видеть, ты понял?

– Да, отец мой.

– Возьми письмо. Отправь монаха, которому доверяешь, в Труа, и пусть передаст его лично в руки.

– Да, отец мой.

Рауль повернулся, чтобы идти, но замешкался у двери, в сомнениях. Аббат встревожился.

– Что с тобой?

– Её уже видели, отец мой.

– Что ты имеешь в виду? – Гюг Марсийский медленно встал, опираясь обеими руками о столешницу.

– Перед девятым часом она спустилась в скрипторий, и переписчики...

– В скрипторий? – недоверчиво воскликнул аббат. – Ты позволил ей войти в скрипторий?

– Я ей не позволял, – слабо запротестовал Рауль. – Она сама туда пошла.

– Отлично. Отлично. Если сама пошла, то нам не о чем беспокоиться, так ведь? – раздражённо бросил Гюг. – Может, она ещё куда-нибудь сама пошла? Руководить хором, например, пользуясь тем, что наш кантор, мучимый зубной болью, вынужден был отправиться в лазарет?

– Ну...

Аббат готов был испепелить Рауля взглядом. Вспомнив совет аптекаря, обеспокоенного его внезапными вспышками гнева, которые могли плохо отразиться на здоровье, он принялся читать «Отче наш». Остановился на словах «in caelo et in terra⁷». Новиций дрожал, как осино-вый лист. Аббат жестом велел ему следовать за собой. Юноша набрался смелости:

– Затем я проводил её в трапезную мирских братьев, потому что она была голодна. И тогда, пока она завтракала, несколько мирских братьев... – он глубоко вздохнул и выпалил, – принесли туда кожи и облачения и видели её. Они тут же вышли, – добавил он скороговоркой и искоса глянул на аббата. Тот снова сел за стол. Вернее, рухнул, уронил голову на руки, пальцы которых были соединены, как будто для молитвы. Рауль однако подозревал, что он не молится. Через некоторое, показавшееся ему бесконечным, время, аббат заговорил:

– Позаботься о том, чтобы письмо дошло до адресата. И, Рауль, сразу же возвращайся и с этого мгновения не оставляй её одну. Ни на секунду. Ясно тебе?

– Да, аббат, – пробормотал новиций.

Когда юноша затворил за собой дверь, аббат встал, налил себе бокал вина, на этот раз не разбавив его водой и не подсыпав наркотика, который добавил в питьё Аэлис. Он посмотрел на спокойное лицо девушки, выпил вино залпом, и тепло, разлившееся в горле, возродило его надежды на лучшее. Вести из Сент-Нуара не замедлят прийти.

Рено, гигантский страж южной бойницы замка Сент-Нуар, с трудом поднялся, держа в правой ручище обкусанную куриную ножку, и, продолжая жевать, с любопытством уставился в даль. Миндальный соус стекал по его подбородку, а одна капля упала на кожаный панцирь. Только он собрался перекусить, как заметил тучу пыли, которая приближалась со стороны гор по дороге на Суйер. Всадников, судя по всему, было немного, но они во весь опор неслись к замку. Группа уже миновала посёлок, и когда он смог различить цвета всадников, то завопил во всю силу своих лёгких девиз семьи:

– «Сент-Нуар навеки»! Нас атакуют!

Потом он затрубил в рог и бегом спустился по левой лестнице. Запыхавшись, подбежал к воротам, где уже ждал отряд солдат. Кузнец вышел, вооружённый тяжёлой дубиной с железными заклёпками, и даже грумы схватили копыя и щиты. Послышались удары металла о металл: всадник бил в ворота, но не тараном, а своим мечом. Воины удивлённо переглянулись, ведь прежде нападающие на Сент-Нуар не имели обыкновения стучаться в ворота. Рено поднялся в надвратную башню и увидел, что всадник упал без сил с коня на землю, всё ещё сжимая в руке меч. Перекинутые через седло второго коня, два тела оставляли за собой кровавый след. Солдат перекрестился и закричал:

⁷ (лат.) ...и на земле, как на небе.

– Открывайте, открывайте скорее! Дорогу хозяину замка! И приведите священника!

Дама Жанна с горечью всматривалась в бледные черты своего супруга. Владелец земель Сент-Нуара оставался без сознания, пока Мартен осторожно накладывал мази, чтобы снять отёк вокруг ран, особенно вокруг сквозной колотой раны на груди. Меч пронзил грудь и вышел со спины. Клирик приказал, чтобы в зал принесли побольше сена и соломы и постелили около очага, посчитав, что не стоит нести раненого по крутой лестнице в супружескую спальню. Вместо этого надо было скорее начать лечить его прямо здесь. На потный лоб мужа Жанна положила кусок белого льняного полотна, смоченного холодной водой, следуя советам монаха, а он смочил пересохшие губы Сент-Нуара подогретым вином и настоем розмарина. Патриарх не реагировал, и Мартен в отчаянии смотрел на простёртое перед ним тело: он бы многое отдал за то, чтобы исцелить господина. Нужен был цирюльник, человек знающий толк в крови и флегме, в надлежащем их соотношении, умеющий вскрывать нарывы. А его оружие – Библия, псалтырь, а не пестик и ступка, не хирургические инструменты. Если бы он знал, что делать, даже решения Турского Собора⁸, запретившего священнослужителям заниматься медициной, не помешали бы ему спасти сеньора. Слеза покатила по его щеке. Заметив её, Жанна даже не попыталась скрыть презрения:

– Брат Мартен, не думаю, что ваша скорбь пойдёт больному на пользу. Филипп должен прийти в себя. Сделайте для этого всё, что необходимо, – она обернулась и взглянула на двоих, лежавших дальше от огня, как им и было положено по рангу. Прищёлкнула языком и добавила: – И помолитесь ещё, чтобы эти не принесли нам в дом какой-нибудь заразы. От них и прежде было мало пользы.

– Госпожа, я предложил бы вам самой помолиться в часовне о скором выздоровлении вашего супруга. Если только вы не соизволите разделить мои бдения и провести ночь здесь, – ответил монах, возмущённый холодностью Жанны. Она изогнула бровь и, не проронив ни слова, вышла из зала, волоча по полу длинные рукава своего блюи. Мартен ополоснул руки водой и продолжал чистить рану в груди, рану, которая больше всего тревожила его. Он предпочитал оставаться с ранеными один, и чтобы ему помогали только слуги, при всём их невежестве и предрассудках, чем чувствовать, как Жанна заглядывает ему через плечо, считая часы до того, как муж проявит признаки жизни, вернее, признаки смерти. Пусть это звучит чудовищно, но Мартену и в самом деле начинало казаться, что дама Жанна желает трагической развязки, и именно то, что Сент-Нуар никак не умрёт, вызывает её тревогу. А то с чего бы она надела этот головной убор из красного бархата шитого золотом, подобный венцу королей и императоров.

– Чтоб ей состариться в ожидании, – услышал он свой собственный злобный шёпот.

– Вы со мной говорите, отец? Вздвогнув от неожиданности, Мартен посмотрел на раненого господина, но тот оставался недвижим. Монах перекрестился и вынул чётки. Без сомнения, голос был знаком небес, указующим на скорое выздоровление Сент-Нуара.

– Отец, мне что, к Сатане воззвать, чтобы вы наконец обратили на меня внимание? – вновь раздался голос за его спиной. Мартен открыл глаза и обернулся. Л'Аршёвек приподнялся, опираясь на деревянную банкетку. Мартен покрыл ему рану на руке двойным слоем льняного полотна, пропитанного отваром обезболивающих трав, привязав его шнурком, чтобы не сполз.

– Лежите тихо! А то снова откроется этот жуткий разрез, что у вас на плече, – монах заставил воина снова лечь и улыбнулся с облегчением: – Рад, что со мной разговаривал не Сатана, к тому же, приятно убедиться, что вы идёте на поправку, Луи.

⁸ Турский Собор в 1163 г. запретил монахам изучение права и медицины, и отдал приказ в течение двух месяцев возвратиться в свое аббатство под страхом отлучения.

– Спасибо, брат. Клянусь, что я тоже рад. Когда отворились ворота, я было подумал, что святой Пётр явился встретить нас, странно только было, что от него пахло курицей и миндалём, – Луи оглушительно расхохотался, и острая боль пронзила его плечо. Он заметил строгий взгляд монаха. – Простите, отец Мартен.

– У тебя, Луи, язык слишком длинный, а разум коротковат, – сказал Озэр, открывая один глаз и пытаясь улыбнуться. – Но сегодня я вознесу благодарственный молебен за то, что Господь решил вновь спасти твою шкуру, уж не знаю, зачем.

– Очевидно, ему известно, что у меня слишком много грехов, и если я умру, не успею искупить их, отправлюсь прямиком в ад.

– Да, так оно и есть.

Озэр повернул голову и спросил у священника:

– А как наш господин Филипп? Пришёл в себя?

– Нет. – Мартен не смог скрыть озабоченности. – Не знаю, что делать. Не решаюсь пустить ему кровь, ведь я не цирюльник, а те снадобья, что у меня есть, похоже, не действуют.

Озэр встал и в два прыжка оказался рядом с Сент-Нуаром. Он положил руку на лоб господину и осмотрел рану.

– Он весь горит, и компресс не помогает. А рана не затягивается. Она зияет так же, как когда этот пёс Готье вонзил в него кинжал.

– Монах? – спросил Л'Аршёвек. – А казалось, он вообще лишён мужских признаков...

– Он вновь поймал осуждающий взгляд отца Мартена.

– Видно, не совсем, раз сумел удержать кинжал. Но у нас ещё будет время поговорить, – сказал Озэр и указал на раненого. – Сейчас самое важное – он. Отец, вы должны вызвать хирурга. Почему, кроме вас, все бросили раненого хозяина замка? Вы ведь не заупокойную служите: здесь должно быть человек пять в вашем распоряжении. А где же дама? – тон Озэра сделался совсем уж мрачным.

Мартен отвёл взгляд и ответил:

– В часовне, молится, по крайней мере, я на это надеюсь.

– Она всегда была очень набожна, – произнёс Л'Аршёвек елеинным голосом.

– Замолчи, Луи! – сказал Озэр. – Сейчас не до шуток.

– Как же вы правы, мой капитан, – сказала Жанна льстивым тоном. Если она и заходила в часовню, её молитва была короче некуда, сказал себе отец Мартен, потому что теперь она была уже не в красном, а в скромном белом льняном платье, а жемчуга исчезли из её кос, теперь спрятанных под белым головным убором. У неё был вид ангела, спустившегося с небес, хотя в руках она несла сосуд, пахнувший вином и серой. Мартен сморщил нос. Он слышал о многих снадобьях, приготовляемых на основе демонической субстанции, но ему и в голову не приходило, что дама Жанна умеет готовить что-то подобное. Дама ухитрилась рассмеяться так, что это не походило на оскорбление её лежавшего без чувств мужа.

– Отец Мартен, вы уж простите меня. Я предпочла сходить на кухню и приготовить снадобье, чтобы сбить жар у моего супруга, вместо того, чтобы пасть к ногам Господа, скорбя о том, что я не могу быть полезной ему, – тон её был нежен, но слова оставили горький осадок в душе монаха. – И сердце моё возрадовалось оттого, что к рыцарям возвращаются силы.

– И не пристало никакой заразы! – со смехом добавил Л'Аршёвек.

– Госпожа, признаюсь, мне возвращает надежду ваше присутствие рядом с господином Филиппом. Ваши заботы, без сомнения, принесут ему большую пользу, – произнёс Озэр почти-тельным тоном.

Дама Жанна взгляделась в его лицо, но не нашла на нём ни следа издёвки или подозрительности. Она бысто присела в реверансе и встала на колени в изголовье раненого. Трое мужчин смотрели на белую фигуру, склонившуюся над телом Сент-Нуара. Озэр и Л'Аршёвек переглянулись и решили посекретничать.

– Надо послать гонца в Мон-Фруа. Если всё благополучно, Аэлис через два дня будет здесь, – сказал Озэр.

– Хочешь, чтобы я поехал? – спросил его Луи.

– Нет, ты слишком слаб, да и мне не до скачек.

Но лучше бы посторонним не знать, что дочь Филиппа одна путешествует по графству. Суйеры не замедлят явиться.

– Ты преувеличиваешь. Им тоже нужно время, чтобы залечить раны и собраться с силами, как и нам, – возразил Л'Аршёвек.

– Ты забываешь об этом, – Озэр поднял мизинец, на котором сияло золотое кольцо с печатью Суйеров. Он перевернул печать к ладони и драгоценность снова превратилась в безобидный с виду золотой ободок. – Нам надо готовиться к войне.

– Проклятье. Как будто у нас во Франции ещё недостаточно войн, – пробормотал Л'Аршёвек. – Однако ты прав. Надо послать кого-нибудь в Мон-Фруа. Кого бы ты хотел отправить?

Вместо ответа Озэр взглянул на отца Мартена, и тот, почувствовав, что на него смотрят, в свою очередь взглянул на них вопросительно.

– Что-то случилось, рыцари?

– Воистину, добрый отче, мне кажется, что случилось очень многое. Или вам мало? – Л'Аршёвек рассмеялся и, подмигнув, подал монаху знак, чтобы тот подошёл. Когда он приблизился, рыцарь взял его за руку и шепнул на ухо: – У нас для вас поручение, друг Мартен.

Глава пятая

Замок Сен-Жан не был ни летней резиденцией, ни зимним дворцом властителя графства Першского. Он был мощной крепостью, выстроенной для войны. Возведённый на вершине горы, как было принято в прежние времена, он господствовал над пятью равнинами страны и над столицей графства, Ножентом-ле-Ротру, и контролировал дороги, ведущие в крупные соседние города, Шартр и Тур. Тому, кто вздумал бы обозреть окрестности с одной из его семи белокаменных башен, удалось бы разглядеть далёкие горизонты английской Нормандии и графства Мэн. Главное здание, квадратная башня, семьдесят два пье в длину, пятьдесят два в ширину и девяносто семь в высоту, была самым внушительным каменным сооружением, которое крестьяне Ножента видели когда-либо в своей жизни. А семь крепостных башен и стены, возведённые прежними сеньорами в беспокойном прошлом веке, только укрепляли в мысли, что графы Першские – самые могущественные в округе. На самом же деле хозяева замка отчаянно боялись нападения, потому и возвели стены толщиной десять пье, а если считать вместе с контрфорсами, так и все пятнадцать.

Посреди крепости был вырыт колодец на случай осады, а вокруг стен – сухой ров глубиной тридцать пье – верная смерть для всякого, кто приблизится к замку с враждебными намерениями.

А такие в прежние времена не переводились. Ясно, что угроза всё ещё была вполне реальной, и когда Ги, рыцарь из гарнизона Суйеров, въехал во двор в сопровождении двух стражников, встретивших его на подъёмном мосту, он увидел, что грумы замачивают невыделанные медвежьи и волчьи шкуры в ведрах с водой. Потом этими шкурами застелят уязвимую деревянную крышу главной башни, чтобы во время возможной атаки лучники врага не подожгли её горящими стрелами. Вонь от мочёных шкур стояла невыносимая, а от жары она ещё усиливалась. Ги мысленно успокаивал себя: хотя до него доходили слухи о крутом нраве Ротру, сейчас он приехал к нему как союзник и находился под покровительством Суйера, так что бояться было нечего. Впрочем, сказал он себе, Суйеры по сравнению с графом – всё равно что мошка в сравнении с конём, судя по количеству мечей, сложенных в оружейной.

Граф Першский сорвал красную ленточку и развернул письмо. Он бросил взгляд на мелкие вычурные закорючки текста. Затем одним ударом прихлопнул овода и в упор поглядел на гонца. Воин Суйеров, как ни пытался он замереть и затаить дыхание, невольно задрожал крупной дрожью. Ротру удовлетворённо усмехнулся. Такими все и должны являться к нему: запуганными, хнычущими, как груднички, молящими о пощаде. Граф был не столько жесток, сколь предусмотрителен. Чем сильнее страх, тем меньше вероятность нападения. Он встал – приятно лишний раз убедиться, что при каждом твоём движении, собеседник содрогается от ужаса – и подошёл к щиту, висящему на одной из стен зала. Там был изображён его отец, Ротру II Великий: всадник в стальном шлеме, верхом на коне, с обнажённым мечом в левой и щитом в правой руке. Нынешний граф сумел стать более могущественным, чем его родитель: у него было больше замков, он имел земли даже в Англии, его кузен был архиепископом Руанским, а отцом, Роберт, граф Дрё, – братом короля Франции. Не менее знатной особой была и супруга графа, Матильда Блуаская. И всё равно он знал, что за глаза его называют Ротру III Младшим. Он нахмурился. Виноват ли он, что родился позднее, чем столь неустрашимый воин, не раз имевший случай поразить врагов своим мечом. В войнах, которые ныне вели короли Франции и Англии, Ротру III досталась не слишком почётная роль, что-то вроде хозяина постоянного двора: то Людовик VII просил у него убежища на неделю, а то и того хуже, на месяц, то Генрих II гулял в волю по его владениям. Ротру не нравилось, как расточительно обходился французский король с его пшеницей и прочими запасами, но, в конце концов, граф Блуаский был прямым вассалом Людовика, а его дочь принесла неплохие земли в приданое. Зато уж старый лис

Генрих играл с ним, как кошка с мышью, то угрожая отобрать ренту от поместий в Солсбери, то приглашая к своему вечно странствующему двору в Лондон, но неизменно используя его как гонца для передачи посланий королю Франции. И сколь могущественны ни были договаривающиеся стороны, он оставался при них слугой, не имеющим права голоса, подобным тому, что ожидал сейчас его распоряжений. Граф с завистью смотрел на всадника. Придёт день, и тот помчится во главе войска, чтобы сокрушить своих противников. Ротру подошёл к двери, где дожидалась стража:

– Вызовите Варина, – и снова сел, приняв самую величественную позу, какую только смог, дабы потрясти воображение обливающегося потом молодого воина. В это время года графство Першское, поросшее густыми лесами, превращалось во влажную вязкую лужу, и даже воздух казался тяжелее. Толстый кафтан из красной шерсти, в который был одет гонец, не слишком подходил для здешнего климата. Ротру пригубил воды с мятой и мёдом и по-кошачьи облизнулся.

– Жду приказаний, мой господин.

Перед ним стоял Варин Волчий Глаз, сенешаль и командир дружины германцев, выходец из земель Священной Римской Империи. Был он соломенный блондин, длинноволос, как принято у него на родине, ростом выше шести пье, силы неимоверной: ухватив за череп, мог легко поднять одной рукой воина в воздух, а другой – отрубить ему голову любимым своим боевым топором. Ротру слепо доверял ему, а причиной было событие, после которого он и получил своё прозвище. Однажды во время охоты на волчью стаю, державшую в страхе всю округу, один из волков набросился на Ротру и оторвал бы ему руку, если бы Варин со своим топором не пришёл на помощь господину. На миг показалось, что зверь насмерть растерзал воина: его лицо сплошь было залито кровью, так что не поймёшь, жив он ещё или мёртв. Но вскоре стало ясно, что убит не воин, а волк, а верный Варин поплатился глазом: через всё его лицо, через пустую глазницу пролёг розовый шрам, ото лба, через щёку и до шеи. Волчий Глаз прозвали его с тех пор, Ротру ел с ним из одной тарелки, пил из одного бокала и, хотя не прочь был оказать ему и эту высшую почесть, не спал с ним в одной постели только потому, что Матильда возражала: при виде изуродованного лица воина её бросало в дрожь. Что ж, тем лучше: ведь такова и была его миссия, внушать ужас от имени графа. И для этой миссии годился он, как никто другой. Серый шерстяной плащ Варина пошёл нервными волнами. Ротру улыбнулся, довольный. Его волкодаву не терпелось броситься за дичью.

– Следуй за гонцом в его замок. Там переходи в распоряжение Готье Суйерского. Надо поймать одну беглянку. Он скажет, что делать. Постоянно держи меня в курсе, – он взглянул на свои ногти. Они были чёрные, и он вспомнил, что его утончённая супруга морщит нос, когда видит их такими. Надо как-нибудь на днях испкупаться.

Варин поклонился и вышел. Воин Суйеров последовал за ним, бледный, как мел.

Ротру III почувствовал себя достойным славы предков. Теперь можно принять эмиссара английского короля.

Голова у неё болела так, как будто по ней изо всей силы ударили. Аэлис привсталала, чувствуя себя совершенно разбитой. Что произошло? Она помнила только огонь камина, вино и убаюкивающий голос аббата Гюга. Девушка настороженно огляделась: комната была та же, где она лишилась чувств, но прошло уже несколько часов. Свет, проникавший через окно, был какой-то мертвенный, сквозняк, просачивающийся сквозь камни стен, обжигал вечерним холодом. Она ощупала шею, руки и ноги, чтобы убедиться, что не поранилась, падая. Потом встала и нервно прошла по келье. Она чувствовала себя зверем в клетке, ей не терпелось узнать новости из Сент-Нуара. Время утекало сквозь пальцы, и кто знал, какие новые потери принесёт с собой ночь. Аэлис не знала, что делать, и собственная нерешительность раздражала её. Быть бы женщиной, носить бы на поясе меч вместо серебряной цепочки. Тогда ничего бы

не стоило оседлать коня и скакать в Сент-Нуар, и делать всё, на что будет её воля. Она пала на колени перед деревянным распятием, висевшим на стене, и помолилась, прося прощения за грех гордыни и ища ответа. Вдруг послышался тихий стук: кто-то постучался в дубовую дверь. Аэлис прислушалась.

– Госпожа. Моя госпожа.

Она чуть приоткрыла дверь и убедилась, что это новиций Рауль. Молодой человек вошёл с деревянным подносом, на котором стояли две миски. Одна была полна овса, а другая – козьего молока, в которое был крошен чёрный хлеб. Да к тому ещё два стакана с пивом. Новиций поставил поднос на стол аббата, осторожно, чтобы ничего не пролить, и, робея, обернулся к Аэлис. Она мрачно смотрела на него.

– Аббат поручил мне заботиться о вас, – сказал Рауль. – Вот ужин, который я сумел добыть. Келарь смерил меня взглядом с ног до головы, когда я унёс миски, не сказав ему, для кого, – его веселье было явным и заразительным. К облегчению новиция, настроение Аэлис при виде пищи улучшилось. В конце концов, она смирилась с тем, что придётся ещё немного задержаться в монастыре, не важно, по воле аббата или по вине обстоятельств. Лучшее, что она могла сделать – это набраться сил перед тем, как придётся отправиться в путь. Присев на лежанку, Аэлис взяла миску из рук Рауля. Некоторое время они ели молча. Аэлис выпила немного пива, тёплого и горького напитка, который никогда ей не нравился. Недовольная гримаса, появившаяся на её лице, рассмешила новиция. Аэлис вскочила и стряхнула крошки с платья. На её скромном белом биио были заметны следы тяжёлого пути: длинные рукава запачкались и порвались. Подол был заляпан глиной. Она вспомнила о плошке с водой, стоявшей у двери кельи, в которой она проснулась. Одним прыжком Рауль оказался между нею и дверью. Он уже не смеялся.

– Брат Рауль, – властно скомандовала Аэлис, – я вам приказываю пропустить меня.

– Госпожа, ради вашей безопасности, заклинаю вас, не выходите из этой комнаты, – ответил Рауль.

– Ради моей безопасности? Неужели и в этих стенах мне есть чего опасаться?

Новиций, как представлялось усталой от борьбы Аэлис, преисполненный излишнего рвения, пытался добиться, чтобы она как можно меньше перемещалась. Она добавила:

– Послушайте, добрый брат, я всего лишь хочу добыть воды и немного мыла, чтобы выстирать одежду и не опозориться перед тем, кто приедет за мной из Сент-Нуара. Не такое уж это опасное намерение, вам не кажется?

Не ожидая ответа, она попыталась открыть дверь, но остолбенела, когда новиций железной хваткой взял её за руку выше локтя и отвёл обратно к лежанке, на которую и толкнул без церемоний. Сидя на лежанке, не в силах вымолвить ни слова, она смотрела на покрасневшего Рауля.

– Извините. Госпожа, я настаиваю, это приказ самого аббата. Я велю, чтобы кто-нибудь из мирских братьев принёс всё, что вам надо, но сам не имею права оставлять вас одну ни на минуту, – он прикусил нижнюю губу.

– Славный брат Рауль! Воистину, ваша преданность долгу похвальна, – на лице Аэлис страх сменился облегчением, что встревожило новиция, хотя он сам толком не понял, почему. – Думаю, есть выход, при котором каждый из нас сумеет выполнить свой долг. Почему бы вам не пойти со мной за тем, что мне нужно? Если аббат не желает оставлять меня без присмотра, то, следуя за мной по пятам, вы безупречно исполните его пожелание, а я не буду чувствовать себя пленницей в стенах этого святого монастыря. А когда я вернусь в Сент-Нуар, не премину заказать молебен в благодарность за заботу, которой окружили меня братья цистерцианцы из Мон-Фруа в час нужды и горя.

Тонкий намёк на будущую благодарность, которой Аэлис из Сент-Нуара собиралась облагодетельствовать Мон-Фруа, не прошёл незамеченным, ведь Рауль, хоть и был всего лишь

новицием, получил хорошее образование, изучал тексты античных классиков (те из них, что одобрены Святой Матерью Церковью, за исключением нескольких страниц из Овидия, прочитанных им ночью тайком при свече), к тому же он был совсем не глуп. С таким же успехом, как заказать благодарственные молебны за Мон-Фруа, Аэлис, если её что-либо не устроит, могла подать официальную жалобу епископу Шартрскому, которому подчинялся монастырь. Рауль сознавал, что жалоба была бы принята неблагоприятно, но, кто знал, куда в конце концов выведет кривая церковного суда. Он взвесил все за и против: злоупотреблять принуждением по отношению к дочери столь знатного господина, как Сент-Нуар, и избежать её жалоб невозможно. На стороне девушки было явное преимущество. Да и в конце концов, единственное, чего она хотела – умыться, и Бог, без сомнения простит ему, если он позволит ей небольшую прогулку. Он вздохнул и тихо проговорил:

– Лучше всего нам пойти в трапезную мирских братьев. Там сейчас, наверное, никого нет, все в церкви на вечерне.

Аэлис поняла, что победила. Эта маленькая победа наполнила её сердце детской радостью: за столько времени впервые ей не пришлось уступать. Она распрямила спину, как будто ей предстояло дефилировать на виду у всего королевского двора Франции, и вышла из кельи в сопровождении смирившегося новicia. Они молча шли по коридору, предназначенному для мирских братьев, и дошли до трапезной, которая и в самом деле была пуста. Рауль подошёл к шкафу кладовой и достал из кармана рясы тяжёлую связку ключей. Выбрав один из них, он открыл шкаф. В нём хранились соль, мёд, немногие специи, которыми повар приправлял постную пищу братьев, и мыло. Завтра придётся поговорить с келарем, чтобы он не думал, что мыло украли. Он отдал кусок мыла Аэлис, а она взяла кувшин с водой с длинного стола, за которым обедали мирские братья.

– Теперь нам надо вернуться, – сказал Рауль.

Девушка замерла, как будто ей явился святой или, скорее, как будто она узрела злого духа. Её глаза возбуждённо блестели, а бледные щёки порозовели. Она пристально смотрела в угол зала, и Рауль не мог понять, что такого удивительного было в стопке ряс, сложенных рядом с корзиной для грязного монашеского белья. Он испытал искушение выругаться: нельзя было терять времени, каждый миг, проведённый в общих залах и коридорах, таил в себе опасность. Он позвонил ключами, чтобы привлечь внимание девушки. Она обернулась, посмотрела на него, и выражение её лица так взволновало его, что он испугался. Во взгляде Аэлис читалась смесь странной решимости с чем-то вроде стыда. Рауль выронил ключи.

– Проклятье! – воскликнул он. Придётся прочесть лишний раз Pater Noster за сквернословие. Он наклонился, чтобы подобрать ключи, и стал шарить по холодным терраотовым плитам пола: в трапезной было темно. Найдя ключи, он собрался было выпрямиться, но вдруг услышал сухой стук. Потом вода из кувшина растеклась по его одежде, а осколки посыпались на пол. Последнее, что он услышал, были лёгкие быстрые шаги, будто рысь или пантера искала выход из клетки.

Готье Суйерский натянул сапоги и подпоясал длинную хлопчатобумажную рубаху кожаной лентой, к которой был приторочен меч. Прикосновение к коже холодных металлических колец кольчуги, что он надел на голое тело под рубаху, было ему непривычно, но приятно. Надев кожаный камзол, он накинул на плечи бордовый шерстяной плащ, отороченный мехом белого волка, и застегнул перламутровую пряжку на груди. По пути в парадный зал, где его ждал посланник Ротру Першского, слушал с удовольствием, как звенит меч, ударяясь о кольчугу. Румяная смуглая служанка столкнулась с ним на лестнице, торопливо поклонилась и прошла мимо. Готье с наслаждением потёр подбородок. Строгая монашеская дисциплина не позволяла предаваться плотским чувствам, и он послушно изгнал их из своего сознания; теперь

он обещал себе, что с этих пор начнёт брать от жизни вдвойне. Но сначала отомстит Сент-Нуару. Впрочем, это тоже относится к удовольствиям.

Так, ухмыляясь и ощущая, что бодрый дух вернулся к нему, он предстал перед Варином из Лонрэ, сенешалем Ротру Першского. Его сеньор, граф, живо отозвался на послание Суйеров. Глядя на зверовидного гиганта-германца, замершего перед ним, Готье понял, что врага такого иметь было бы опасно. Тем лучше, сказал он себе. У него и жестокости хватит, и рука не дрогнет, когда придёт время решать те задачи, которые на него возложит Готье. Он начал с традиционной формулы вежливости:

– Варин Волчий Глаз, моё сердце переполнено благодарностью к нашему господину графу Першскому. – Германец не переменялся в лице, только перевалился с ноги на ногу. – Нас оскорбили, и мы обязаны отомстить. Ты готов?

Варин ответил без колебаний:

– У меня в распоряжении пять человек и достаточно времени. Приказывайте.

Готье был удовлетворён. Так всё и должно происходить, и так отныне будет. Если этот человек хотя бы наполовину так грозен, как кажется, они не только захватят Сент-Нуарскую предательницу (а в его сознании всё, что произошло две ночи назад в замке, было ни чем иным, как предательством), но Готье ещё вдобавок станет самым приближённым вассалом графа Першского, и Суйеры будут командовать сражениями между баронами Французского королевства. А после этого (в конце концов, почему бы и не помечтать) Ротру Першский женат на представительнице рода Блуа, кровной родственнице короля, однако ещё пару поколений назад её предки были нищими норманскими рыцарями, наёмниками, как тот, что стоял перед ним, призванными, чтобы защищать монастыри от викингов.

– Сначала мы должны захватить Аэлис, первородную дочь владельца Сент-Нуара. Сам хозяин – тяжело ранен. Чего бы мы ни сделали, чтобы сократить его мучения в этом мире, всё будет мало. – Он криво улыбнулся. – А ещё у меня счёт к капитану его гвардии. Так что его оставь мне.

Варин невозмутимо взирал на Готье Суйерского. Мужчины, с которыми ему довелось сражаться, те, что не умирали от первого же удара топора, те, что не удирали, визжа, как свиньи, не были такими белолицыми и не имели таких тонких дамских рук, как его нынешний собеседник. Ну, в крайнем случае можно придумать что-нибудь, чтобы он не мешался под ногами. Варин из Лонрэ почтительно поклонился и пошёл за своими бойцами. Он тут же выкинул Суйера из головы: имелась дичь, которую следовало поймать.

Брат-кантор Фульше чуть ли не бежал по галерее внутреннего двора к церкви. Вот-вот зазвонят к повечерию, а он заболтался с братом-аптекарем, выпросив у него настой коры бука на сладком вине вместо отвратительной примочки из лука и куриного жира, которую тот предлагал поначалу. У аптекаря было особое пристрастие к использованию лука в своих снадобьях, но Фульше категорически отказался терпеть жуткую вонь, которую извергал бы во время пения псалмов, если бы прикладывал луковую кашицу к зубам. Он ускорил шаг: братья, должно быть, уже собрались на хорах в ожидании кантора: он должен был руководить их пением во время ночной службы. В нише у дверей стоял армарий, в котором хранились священные книги. Он собирался открыть его, чтобы достать антифонарий, когда заметил, что в глубине галереи молча замер один из братьев. Низкорослый, тщедушный, мальчишка, должно быть, хотя без сомнения старше пятнадцати лет, потому что по уставу в монастырь давно уже не принимали облатов⁹. Ряса с капюшоном, которую ему выдали, была широка, а рукава длиннее на целую пядь, чем требовалось. Подол волочился по полу. Черты лица его выражали смирение: опущенные глаза, молитвенно сложенные руки, склонённая голова. Юный брат, без сомнения, нови-

⁹ Послушник, посвящённый Богу с раннего детства.

ций, дрожал, явно нервничал. Фульше показалось странным, что аббат ни словом не упомянул о том, что в братстве появился новый член. Правда, с тех пор, как кантор мучился адскими зубными болями (потому что без сомнения сам дьявол наслал их на него в наказание за сквернословие), ему было не до мелких монастырских новостей. От бесконечных примочек, отваров и настоев он потерял бы счёт времени, если бы не благословенные колокола, отбивающие часы.

Фульше смотрел на новичка благосклонно. Когда он сам поступил в монастырь Мон-Фруа в качестве новicia, он так же, между молитвами, дрожал и замирал от восторга перед красотой Творения. Ведь нет сцены более возвышенной, за исключением видения Богородицы с младенцем на руках, чем хор братьев-цистерцианцев в белых одеждах, поющих псалмы *recto tono*¹⁰ во славу Господа. Он поманил новicia пальцем, чтобы не прерывать сосредоточенного молчания, показывая знаками, что тоже направляется на службу. Новicia не поднял глаз, но, помедлив, последовал за ним. Фульше взял антифонарий и через дверь, предназначенную для монахов, вошёл на хоры. Новicia шёл за ним. Через несколько минут голоса братьев уже трижды гармонично выводили начальные слова службы. «*Domine, labia mea aperies, et os meum annuntiabit laudem tuam*»¹¹, а Фульше, как руководитель хора, приступил к третьему псалму, как предписывали правила устава святого Бенедикта. «*Domine quare multiplicati sunt hostes mei multi consurgunt adversus me.*» Господи! Как умножились враги мои! Многие восстанут на меня!¹² Стихи псалма свободно текли с уст Аэлис, служба несла ей покой и утешение. Падре Мартен обучил её начаткам латыни так что монахи ничего не заподозрили. Сердце её уже не колотилось так бешено, она перестала дрожать, а холодный пот, стекавший по спине, под рясой виден не был. Девушка глубоко вздохнула и наконец осмелилась оглядеться по сторонам. Она оказалась в последнем ряду хора, к счастью, вдали от главного алтаря, где аббат Гюг на скромном возвышении совершал мессу. Над алтарём возвышался процессуальный крест с распятием, единственное изображение Христа во всей церкви. Остальные стены огромного зала были пусты, но это не помешало Аэлис испытать изумление и восторг перед величественным сооружением, внутри которого она находилась. Гигантский свод, оканчивающийся стрельчатыми арками, возвышался на тридцать пье, этот тёмный, как ночь, потолок опирался на стройные колонны, подобные кипарисам, и казалось чудом, что они выдерживают тяжесть переплетающихся арок, нависающих над головой. Сначала Суйер, теперь Мон-Фруа. Все пути, которые прошла она с тех пор, как покинула родные стены замка Сент-Нуар, оставляли в душе её сильные и живые впечатления, будь это мелодичное пение монахов-цистерцианцев, которые, закончив славословие, сейчас приступили к предначинательному псалму, или ночь отчаянного бегства из Суйера, даже чёрная шкура пантеры на коленях у омерзительного Ришера – всё навсегда заняло своё место в её воспоминаниях. До чего же чудны пути твои, душа человеческая: несмотря на то, что ноги Аэлис вели её в Сент-Нуар, и она готова была спешить туда хоть пешком, хоть ползком, если придётся, чтобы узнать, как там отец, в последние дни память её сохранила гораздо больше событий, чем все, что накопила она в унылые часы ожидания в башне за изучением тривиума с отцом Мартемом или за прялкой, свивая в бесконечные нити хлопковое волокно и спрашивая себя, вернётся ли когда-нибудь Жиль из священного похода.

¹⁰ *recto tono* – верным тоном (лат.)

¹¹ Господи, отверзни уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою. (Псалтирь 50:17)

¹² Псалтирь 3:2

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.